Ю. ДЕНИСОВ

ОСТРОСЮЖЕТНЫЙ
ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН

НЕЗЕМНОЕ

„ЕВАНГЕЛИЕ ОТ ИЗУВЕРА"

Юрий Денисов

Неземное "Евангелие от Изувера"

https://litres.ru/74326598
SelfPub; 2026

Аннотация

Действие этого остросюжетного романа разворачивается в конце 19 века, в далёкой Вологодской глубинке, в селе Анашкино, с его ярчайшими деревенскими персонажами, которые столкнутся с глубокой трагедией влиятельнейшего лица, а именно с начальником первого имперского управления жандармерии Санкт-Петербурга, и других... Тюрьма Петропавловской крепости и безвинные жертвы произвола, пыток, конца XIX века – ужасают! Исторические экскурсы в Библейские времена, удивительный юмор, приключения и страшное мистическое наполнение будет захватывать читателя, и никого не оставит равнодушным. Ибо, печаль трагедий – омоется слезами! Ирония и юмор – заставят звонко смеяться! Безумная любовь и страсть земная! В этом остросюжетном романе духовное-земное, соприкоснётся с неземным-небесным услаждая сердца верующих, жаждущих видеть истинный облик раскаявшихся и полюбивших Бога больше своей жизни! Здесь нет пошлостей, но

присутствуют ужасные человеческие пороки, мистика, видения и галлюцинации!

Содержание

Глава 5
Конец ознакомительного фрагмента. 120

Неземное "Евангелие от Изувера"

Глава

РЕЦЕНЗИЯ

Великодная И.Л.,

кандидат филологических наук,

доцент МГУ имени М.В. Ломоносова, 07 февраля 2026 года

член АИС Москва

Художественное произведение Ю. Денисова и А. Ишимова «Неземное» имеет авторское определение как остросюжетный исторический роман. Так авторы обозначили жанр, но пока мне представилась возможность прочитать лишь первую часть, "Евангелие от Изувера", поэтому судить о таковом обозначении жанра сложно. Скажу о другом.

Роман, будем так называть это произведение, имеет скрытую интригу, разгадывать которую читателю придется на протяжении всего движения сюжета, что всегда держит внимание и подогревает интерес читающего. На первый взгляд, кажется, что в романе вам предлагают отдельные новеллы, которые как бы не связаны между собой, но это далеко не так. В этом и заключается интрига, что рано или поздно все

сюжетные линии отдельных новелл или глав, как хотите, можете это называть, соединятся в одну и все «загадки» отгадываются и на все вопросы находятся ответы. Это сложный ход, но он удался авторам. Вы ощущаете себя и частью приключения героев, и немного попадаете в детектив, в трагические истории и романтические ситуации, в разные исторические эпохи…

Общее повествование ведется довольно легко и читается с движением открыть следующую страницу. Характеры героев прорисованы одновременно строго и отчетливо, но при этом хранят в себе определенную тайну, которая вскоре становится явной. Каждый образ описан с мастерством, которое позволяет читателю ярко представить этого героя и запомнить его образ надолго. Надо сказать, что авторам присуще определенное чувство юмора и иронии, что всегда украшает любое развитие сюжета и дает возможность читателю улыбнуться даже и в самых коварных хитросплетениях сюжета, а это – ценно.

Общие темы, задачи и проблемы романа нацелены на одно – напомнить человеку, что он – Человек, создание Бога и должен, обязан об этом помнить и соответствовать. Поэтому авторы ведут двуплановое повествование – сюжет из жизни героев «здесь и сейчас» и параллельно – библейские сюжеты и образы встают перед читателем. И это, с одной стороны, напоминание нам, как необходимо держать в голове вечные Истины и ход своей жизни все время соотносить с ними, не

забывать, не отстраняться, а с другой стороны – постигать их все глубже и глубже, ведь прочтение Библии или Евангелия единожды странно, авторы по сути призывают погрузиться в изучение этих сюжетов, понять их как можно глубже, соотнести не только с деяниями героев, а может и с нашими собственными…

Язык авторов глубоко художественен, полон роскошных оборотов, эпитетов, сравнений, метафор, это настоящий русский язык, не замученный новоявленными современными оборотами и кальками с иностранных языков. Описания пейзажей наполнены любовью авторов к нашей природе, они встают перед глазами в полной своей красоте и роскоши.

Уверена, что подобное чтение учит истинному и настоящему, подлинному ощущению себя частью целого, Божественного, вечного и того, что принято называть Міромъ. А главное – призывает это постигать и нести ответственность за данное счастье быть здесь и сейчас и сохранить, и приумножить данное. Уверена, что публикация этого романа будет иметь успех и обретет круг своих читателей и почитателей.

Книга Ю. Денисова и А. Ишимова «НЕЗЕМНОЕ»

- ЕВАНГЕЛИЕ ОТ ИЗУВЕРА –От авторов приговорённых к смертной казни!

Остросюжетный роман.

Москва, август 1991 года (10 дней до путча)

Бутырская тюрьма, 6^{й} коридор смертников.

… Думал ли я, появляясь на свет Божий, что моя недолгая жизнь мгновеньем искр проснётся и ослепит разум, который теперь видит неизбежность исполнения смертного приговора, где ад вечного мрака скуёт душу вечной безысходностью!..

Я иду во тьму земли, в которой отсутствует даже воспоминания, лишь вечная мука из муки земной…

Казнённые – безымянные, будто облика никогда не имевшие…

… Мёртвая тишина…слышен звук пролетающих в коридоре мух… Не спеша очередь на исполнение приговора приближалась, врачи сюда не заходят…болезнь…больше месяца высокая температура…в одиночной камере появились видения, …души казнённых медленно куда-то идущих…воспалённый разум начал путать сознание…где сон, где явь, а где видения?

И причём здесь я и события конца XIX века…????

…возможно 1900 год…

Авторская просьба!

Читать в вечернее время, желательно в тишине!

Глава 1 лето 1900 года с. Анашкино.

… В свете полоснувших молний раздался оглушительный грохот грома раскатом своим потрясший землю, и деревья,

словно в страхе склонились под ураганным ветром… Его ревущие порывы, подобно когтям начали обдирать листву, а предрассветные облака, будто всадники, помчались по небу подгоняемые раскатами и воющим ветром.

Рассвет тяжело восставал из чёрного мрака ночи, и тьма вокруг умирала, цепляясь мраком за тени деревьев. И пасмурное, летнее утро рассек вырвавшийся золотой луч солнца, разгоняя застывший в низинах сумрак, и мир начал окрашиваться разноцветьем оживающей жизни. Божественное светило своими благодатными лучами заставляло сиять изумрудную зелень лесов и серебристое блюдце Ново-озера, а на виднеющемся в дымке тумана острове Огненный, ударил колокол древнего Ново-Озерского монастыря, подгоняя, казалось бы, застывшие тени богомольцев, идущих к заутрене В Святую Обитель, по деревянным мосточкам на благословенный остров.

… Начало нового века особо н изменило уклада жизни в селе Анашкино, зимние забавы и свадьбы, лесозаготовки, весенние пахоты, посевы и душистые первые сенокосы. Да, долгожданное тепло пришло и на благословенную Вологодскую землю, согревая все сущее, все живое!

… И в селе уж мало кто помнил, как появился их Илюша – сирота. Старые бабки судачили, мол, его мать Машка – скотница, была гулящая, порочная девка, и что забрал ее сам дьявол!!! Но земской доктор, Антон Семенович Старицкий, поправляя и протирая вдруг вспотевшие пенсне, вторил

им: «… - Да глупа! Не образованна? Но позвольте…изгибы её тела…сияние голубых глаз, чарующий голос…» и доктор всегда начинал краснея кашлять.

- Не скрою господа! Обращался он и к деду Луке, глуховатому старцу, вечно сидящему у его приёмной на завалинке. Да, Мария вызывала острое, а иногда, непреодолимое желание…

… И позвольте, часто неуместное…это похотливо-стыдливое влечение! И доктор, смущаясь своих мыслей, отчаянно крестился, вспоминая Марию.

… Эта дьявольская красота, алые – зовущие уста – тфу! А улыбка? Тфу-тфу! Это блуждающий срам, кричащий во тьму ада! - Я говорил ей, Машка, окстись зараза! Покойся! Отрекись от Староверия! Так частенько бывший учитель, а ныне старенький дьяк прихода Николы Чудотворца, кричал вослед грешнице, потрясая старческим посохом.

Сироту Илюшу отрока лет 6, этого златокудрого ангелочка с дивными причудами, кто из жалости, а кто замаливая свои грехи, (селяне) ютились в своих избушках, где и своих ртов хватало. Но Илья и сам старался никому не быть обузой, и кормился своим посильным трудом! Да, и местный поп Грегор, что из обрусевших греков, с попадьей Лукерьей, приглядывали за мальцом, обучая грамоте и счёту, у самих-то с детьми не получалось!

Неспокойным и озорным временами рос Илья, а то вдруг замрет на тропинке, показывая пальцем в небо и залившись

звонким смехом помахает ладошкой в синь небес! А иногда, проливая горючие слёзы, грозил кулаком проплывающим облакам.

- Чудной наш Илюша! Не от мира сего! перешёптывались за спиной селяне.

И в один из жарких летних дней, убегая огородами от вездесущей попадьи, незаметно для себя Илюша углубился в загадочный дикий лес, где чудеса ожившего сказочного леса очаровали детское сердце, ибо кроме огородов и загаженных сараев с живностью, где посильно работал Илюша, он больше нигде не бывал…

А сейчас, кружась и бегая босиком, он испивал чудесным вкусом чистые родники неглубоких овражков под чарующие трели неведомых птиц, он купался душой на солнечных полянах усеянных причудливо висящими ягодами земляники, он запускал руки в запутанные травники на которых, словно чёрные «жемчужины» с сиреневым отливом, сияли плоды черники! А маленькие, с его ладошку, змейки, с оранжевыми отметинами на голове, словно гибкие пальчики, расползались в рассыпную, заставляя Илью заливаться радостным смехом! Словно само Провидение, видя неискушённое детское сердце, одаривало чудным разнообразием эту чистую душу…

Но вдруг солнце, заблистав бронзовыми отливами, стало быстро садиться за высокие верхушки деревьев, и неожиданный страх перед темнеющим сумраком леса, начал сковы-

вать сердце ребенка!.. – Боженька…помоги! закричало дрожащее сердце – Боженька…спаси, это я…Илюша! и горькие слёзы струйкой потекли на темнеющие травы, и уж померкли яркие землянички и чудные цветочки…

… Он не кричал – мама, ибо его сердце не знало ее ласки, но это чистое сердце любило только Бога, который всегда незримой поступью ходил рядом, и Илья это остро чувствовал, и часто вечерами смотря на пляшущий огонёк одинокой свечи – он имел беседы со своим личным Спасителем!..

- Боженька, милый, не оставляй меня! Рыдало одинокое сердце. – Я здесь, мне страшно!.. – Боженька, это ж я…Илюша!

И вдруг, в сгустившейся темноте Илья увидел сверкнувший маленький огонёк, который заметался в чернеющем мраке, словно ища спасительную дорогу к рыдающему сердцу!

- Боженька…да здесь я! закричал он подпрыгивая и радостно махая руками…Это же я…!

Твой Илюша! Я знал, что ты придёшь! и зарыдав без сил повалился на землю…

И огромные руки, словно чёрными крылами обхватили детское тельце, прижав к своему трепещущему сердцу… -

Я здесь, дитя моё! прогремел громовым голосом Великан, укутав Илюшу в невидимый чёрный покров, взлетев с ним в чернеющую бесконечность, уносясь прочь из пугающего сумрака загадочного леса…

Проснулся Илюша от пугающего чувства голода и невероятного запаха каши с удивительными ароматами диких трав, которые в купе с «журчащими» звуками живота, окутали его сознание, но суетившиеся рядом чудовище в странном балахоне с капюшоном на голове, не хотело поворачиваться, гремя глиняной посудой!

И собрав всю свою волю в кулак, Илюша произнёс:

- Ну, здравствуй дедушка – Бармалей!..

Сначала упала глиняная кружка, потом упал глиняный жбан с квасом, который разбившись страшно забурлил шипя и пуская пену на половые доски, от чего две дремавшие кошки и старый ленивый кот Громобой, визжа, бросились в рассыпную, чуть не сбив с ног деда – Бармалея, который застыл рассеянно смотря на отрока, который ни смотря ни на что, просто закладывал за обе щёки его кашу...!

… - Эта самая лучшая каша!

… Боженька дал? Жуя спросил Илюша.

… Да милый, только Бог и даёт!... – Ну это, нам Бармалеям! – а мы, только и успеваем миски подносить! И дед- Бармалей сам удивился двоемыслию слов.

- Я, Илюша – сирота, мне пять! И отрок показал пятерню. – Или семь лет! Илья хотел показать еще два пальца, но вто-

рая рука дрожа, держала ложку чудо-каши.

- А я, старец-Серафим…! и помолчав, добавил – Отшельник!

- Угу! промычал жующий отрок – Я, это…понял! и смеясь добавил – Как раз в бадье что у меня за сараем! И звонкий смех ребенка заполнил убогую избушку, словно маленькое солнышко осветило угрюмые стены старинного скита.

- Так это ты меня спас? Или Боженька? строго спросил отрок.

- Конечно Бог и только Бог, милый! и Серафим мыслью унёсся в три предыдущие ночи, и ту неведомую силу, которая понуждала его идти в ночь, в лес, со свечной лампой, и неведомо, что искать! И уж в третий день, когда силы были на исходе, во мраке леса он услышал призыв ребенка к Господу о помощи… У Серафима вновь выступили слёзы и дрожащим голосом он произнёс: - О этот ангельский голос, чистым звоном души, молил Господа спасти его, и взывал, взывал: - Боженька..,это я, Илюша! Илюша – повторяло эхо в ночи. Не думая, я кинулся в ночь, через трясину, освящая путь свечной лампой, и увидел ангела, чадо с златокудрыми волосами, без сил падающего оземь… И я вскричал, сам пугаясь своего дрожащего, громогласного голоса: - Я здесь, дитя моё! и старец зарыдал, роняя огромные капли слёз, и сотрясая от рыданий огромные плечи.

Это были слёзы благодарности Богу, что одарил его, не достойнейшего из грешных спасительной благодатью, частич-

кой душевного счастья, о котором он никогда не мечтал. Слёзы старца лились потоком, возрождая из небытия его душу.

- Старец, милый не плач! Тормошил его за брючину Илюша – Хочешь я за тебя Помолюсь?! – Я уже весь мокрый…т просоленный! От твоих слёз! и обняв, поцеловал наклонившегося старца Серафима, а потом почесав щёку, добавил – А и точно, дед-Бармалей, щетина как у ёжика колючка! и взяв старца за руку, повёл его на крыльцо слушать голос чудных птиц, что так красиво выводят сказочные трели в волшебных лесах благословенной Вологодчины!

Вот так и встретились два одиночества: Старец Серафим, ушедший в леса в поисках спасительной веры, отягощенным тяжелыми грехами, и отрок сирота Илюша, чадо Божие с чистой душой озарённою самим Господом!

Это сама благодать, СОПРИКОСНОВЕНИЕ земного с небесным!!!

Да и душа старца израненная, избитая, начала сиять гранями возрождения, обретая спасительную любовь в Господе, с рыданиями изломанных судьбой плеч, с россыпями жемчужных слёз, которые блистанием чистоты омывали загаженную грехами душу, ибо только через веру – дела которой Богоугодны, оживает спасительная Любовь – чрез которую прощаются многие грехи.!

И эта чудная, спасительная встреча запомнилась обоим навсегда, старцу, возрождением из небытия! Илюше…в том

числе и кашей с неведомыми дикими травами, вкус которой он будет вспоминать всю свою жизнь!..

Спустя время…

Вечерами, когда Илюша навещал старца в скиту, Серафим читал ему Евангелия, от которых отрок пищал в восторге, прося всегда повторять, он очень восхищался словами Иисуса, которые Он говорил книжникам и фарисеям…И старец украдкой утирал свои слёзы дивясь такому чуду в понимании Святого Писания!

Чадо самого Господа! говорил старец, целуя чело своего ангела, уходя в сени в тайне плакал, дабы не нарушать душевный покой отрока.

А в селе особо и не переживали, где сутками пропадает сирота Илюша, появляется, бегает и слава Богу!

А Илья всегда заворожено ждал, когда между ежедневными хлопотами, появится возможность убежать в скит к старцу, читать и слушать Божественные истории, переживать за апостола Павла, путешествующего под конвоем в Рим, на суд к самому императору! А потом, с чувством неизмеримой радости петь псалмы и песнопения великому Богу!

И обычно Илюша быстро засыпал, после, иногда чудаковатых рассказов деда, но иногда и хитрил, наблюдая незаметно за старцем, который продолжая негромко говорить, уносился духом в неведомые дали, и уже багровая луна коснулась своим диском вековых сосен, и причудливые тени от мерцающей свечи забегали по стенам…

- Дивной красоты лазурное небо, казалось, красотой своей пленило само море, но то, сопротивляясь бархатными волнами, старались отлепиться, отстать от небес, гоня уже подраненные белые завитки волн к спасительному берегу! Где воды, растягивая свою нежность, омывали золотые пески загадочной лагуны. Другие подраненные волны желали спастись у скалистого берега, но разбивали свою лазурь об отвесные скалы, которые обнажив свои могучие плечи от пены. И вод, вторили морю грохотом прибоя. А чуть в глубине берега, за легкой дымкой тумана блестя изумрудным цветом, показался бархат чудный листвы, диковинных лиан и чарующих соцветий трав, манящих все сущее к себе… И даже озорному ветру, играющему с волнами, загадочный золотой цветок, чей светозарный облик манил, пригласил зайти в свои земли, и испить цветущие ароматы и нектары забытых богов! И ветер, отпустив небесные сплетения, и вязь моря, бросился вкусить наслаждения, неся на жаждущую влагу земли, спасительный бриз.

И вновь море сопротивляясь старалось отлепиться от небес…

- Старец, я что-то не пойму, море приклеилось к небесам? Громко воскликнул отрок. Серафим от неожиданности упал с табурета зацепив огарок свечи, который обжег шею старца, в сенях заблеяла полудикая коза Изольда, под окнами разбегались, воя какие-то тени, раздался далёкий раскат грома и медное светило луны резко погасло… Заскрипел топчан и

старец чуть дрожащим голосом произнёс:

- Илюша, давай ближе к дедушке ложись!

- Дед, а чего ты дрожишь? засмеялся отрок.

- Спи, егоза! возмутился старец.

- Смельчак нашелся! – А то вон, с Изольдой положу! Не унимался дед.

Странная у тебя коза старец, сама пасется где-то, молча приходит, уходит, она ведь дикая? Спросил Илюша.

- Не дикая, а свободная! Помолчав отшельник добавил – она личность, друг!

- Старец, скажи мне, только честно-честно! Тебе здесь, в лесу, ночью, бывает страшно?

- Бывает милый, так бывает! И старец глубоко вздохнул.

- Такое привидеться, трясёт, словно сама тьма оживает! Хоть к людям беги!

- Расскажи, ну пожалуйста, дед! – Я один хожу по лесу к тебе!.. Я проснулся в февральской ночи, когда вьюга за окном воя сплетала снежные узоры, и в диком танце ломала ветви деревьев. Моя избушка ходила ходуном от ветра, мороз пробирал до костей, и вдруг резко открылась дверь… лохмотья истлевшей одежды, опущенный взгляд. Тёплый воздух избы продувал её насквозь, превращаясь за признаком в клубы пара, её голос звучал скрипом ржавых петель на дверях, она распахнула грудь, и я увидел душу призрака, изъеденную коррозией…

- Когда страшно, тогда с козой спишь? И громкий смех

наполнил сторожку.

- Тепло, молоко под боком и друг с рогами! Отрок покатывался со смеху, держась руками за живот.

- Мал годами, да умом дерзок! Прошептал Серафим – спи, пойду.

Огонёк на крыльце зажгу…!

… Огненные косы лучей восходящего солнца, коснувшись сосновых верхушек и нежно прокравшись сквозь зеленеющую листву деревьев, окрасили радостным светом крышу и окно обветшалой избушки, заиграв розовым отсветом пляшущих огоньков на восточной стороне.

- Господи, горит! Бежавшая по тропинке попадья Лукерья, перекрестившись остановилась, выдохнула, и подойдя ближе поставила лукошко с восковыми свечами и крупами на крылечко.

- Спаси Бог, матушка! Прозвучал громовой голос где-то над головой. Попадья вздрогнув, воскликнула:

- Что ж ты чертяка, как леший пугаешь!

- Ну, началось! Прокряхтел Серафим.

- Что началось-та? Ты вон, избушку свою поскобли, стены поросли травой, меж брёвен грибы растут! Твоя хижина больше походит на логово людоеда, чем на скит богомольца! Попадья чуть отдышавшись, продолжила:

- Илюша-то у тебя, не съел сиротинушку?

- Тьфу ты! Ну что за язык у тебя Лукерья! Не выдержал

старец.

- Серафимушка, ну ты посмотри на себя? Ходишь босиком во власянице, по году не моешься, на тебе самом трава растёт, да грибы…

- Что грибы матушка?

- Да не грибы, грибники жалуются, в лесах, мол, чудище видели! И попадья перекрестилась. Вдруг хлопнула дверь сторожки и на крыльце появилась коза Изольда, постояв с минуту, и подумав о чем-то своем, спрыгнула с крыльца, скрывшись в чаще леса.

- Вон, даже коза одичала!

- Не одичала, а освободилась от человеческого гнёта! Парировал старец.

- Молоко-то даёт? Не унималась Лукерья.

- А это, какое у неё настроение, с гонором, как и все бабы!

- Поговори еще, бобыль, на исповедь пришёл бы! Чертяка!

- Наприходился! Все Лукерья, бери коренья, травы и с Богом!

- За Илюшей…и на счёт исповеди…

- Иди, иди! Фу ты, весь день насмарку! выдохнул старец…

Глава 2
«Старец Серафим – в миру полковник Расколов»

… Мерцающая тенями потрескивающая свеча догорала, когда Илюша тихонечко встал с топчана, и взяв её, уединил-

ся в сени избушки.

Встав на колени, смотря на догорающий огарок свечи, тихим голосом зашептал:

- Боженька мой, не сердись на старца, он большой, много плачет, и всего боится…

- Без меня…пропадёт! и Илюша рукавом утёр бегущие слёзы. – Прости его! но впившийся сучок не струганного пола, из-за боли мешал говорить, но Илья продолжил: - Я его тоже люблю! и вскочив начал растирать болевшее колено, и опять встав на колени, сказал: - Я попрошу, чтоб он Тебе всё, всё, рассказал! и вытерев ладонью нос, шмыгнув, добавил:

- И мне, тоже!

… Старец безусловно слыша молитвенный плач своего ангелочка, укрывшись с головой овчинным тулупом, сотрясая огромными плечами, стараясь не быть услышанным, зарыдал горькими слезами, вспоминая себя когда он был Семёном Расколовым…

- октябрь 1890^{e} годы: Санкт-Петербург: -

… Петербургский вечер, словно велением свыше сливаясь с наступающим пасмурным утром, начал окрашиваться в промозглую серость, когда холодный берег гранита реки Невы, начал обжигать холодом тёплые ладони рук редких прохожих, будто силясь напоминать всем живущим леденящей изморозью, о капризном величии матушки – природы, которая, закружив снежные хлопья над свинцовой волной, начала свой неповторимый танец снега, ветра и воды.

И вдруг, в наступившей звенящей капелью тишине, раздался протяжный гудок военного крейсера! И вновь ветер взвившись в высь, словно это была пощёчина, вооружившись мелкими крошками льда, закружив свою адскую карусель вгрызся в борт пришвартованного судна, которое, закряхтев всеми привязными канатами, заухало, заворчав стальными заклёпками, опасно закачавшись на волне громко заскрипело переборками отсеков, словно прося у сверкнувшего в дали шпиля адмиралтейства срочной помощи!!!

А совсем рядом, за гранитным бордюром, на чуть освещённой газовыми фонарями мостовой, колёса продрогших извозчиков орошали тротуар набережной снежно-коричневой грязью.

… Начальник первого управления жандармерии Санкт-Петербурга, гвардии полковник Расколов Семён Ильич, неспешной походкой в сопровождении офицера охраны направлялся в Петропавловскую крепость, где по долгу службы имел свой кабинет, ибо был куратором сего учреждения, занимаясь политическим сыском, и в то же время, нигилистами, бомбистами и другими террористическими организациями, в том числе, сектантами и душегубами всех мастей, некоторые из которых были настолько опасны для общества, что судьбы этих нелюдей обсуждались на самом высоком уровне с участием самого государя Императора!

И было принято двоякое решение, которое спустили в

секретный отдел жандармерии:

С одной стороны: Данная категория заключённых могла подвергаться дознанию с высоким уровнем применения пыток, а в особых случаях, вплоть до критических показателей жизни.

С другой стороны, значительно улучшалось питание, вежливое обращение и появлялась необходимая фельдшерская помощь.

… - Иван Фролович! Расколов обратился к порученцу. – Вы подготовили мне интересующую справку о арестантах??

- Да, Ваше превосходительство…!

… Так, так! Водил карандашом по справке, полковник…Апрель 1849 год – Петрашевцы, 21 участник приговорён к смертной казни…замена, каторга.

… Тот же год…Достоевский Ф.М., писатель…

1850 годы. Анархист Бакунин, 1860^{й} годы Чернышевский…Философ.

1880^{е} года 73 члена «народной Воли» - убийство Императора Александра II. 10 членов – смертный приговор.

1887 г. террористы фракции «народной воли» покушение на Императора Александра III.

Пятеро из них казнены в Шлиссельбургской крепости. Так их фамилии – Ульянов Александр Ильич…

По старовером Филаретовского толка – ничего!

- Иван Фролович, запросите справку в Первопрестольной,

в Москве хорошие архивариусы…

- Будет исполнено, господин полковник! Воскликнул порученец.

- Гвардии полковник! Иван Фролович!

- Простите Ваше превосходительство! смутился он.

… Войдя на территорию крепости Расколов задумался, ибо последние дни он был озадачен поведением и словами необычного сектанта – огнепоклонника, из забытого Богом аула под стенами древнего Самарканда, но что-то, в этом человеке притягивало Расколова…

Безусловно, он был чудовищем, которого обвиняли в сожжении более ста человек, шесть из которых были подданные Российской Империи, и не просто подданные, а состоящие на Государственной службе…

…- Я мечтал привести людей к осознанию мира, - говорил на дознании сектант, - но они, принимали меня за безумца, но я настойчиво указывал им путь, что все люди и каждый человек несёт в себе противоположенные понятия о добре и зле!

И именно каждый считает, что он имеет правильные понятия о своём внутреннем и внешнем мироустройстве для близких.

А при создании законодательства необходимо эти противоположности сочетать, чтобы получились высшие принципы единства человечества!

Это будет царство прекрасное своим разнообразием, где каждый осознаёт своё собственное эго растворённое в общих ценностях единства народов, где мнение каждого уникума, будет учтено единением ближайшего окружения, рода, и уклада местного управления от государства, и все это духовно нравственное возрождение должно пройти через очищение и поколению богу огня! Его по-разному называют народы, где-то зовут Прометей!

В другой раз со слезами рассказывал он:

«- Я был приёмным сыном горшечника, персом по национальности в забытом богами ауле, под стенами Великого Самарканда. И мы были одни в том мире песка, нужды и верблюдов, но мы имели счастье, ибо Огонь дарил нам небесные чувства, что здесь, пройдя земной путь и обретя опыт, чтобы при всесожжении плоти, вознестись во всё поглощающую негу солнца, стать частицей бога Огня, и…

… Но я был слишком мал, чтобы осознавать глубину той мудрости, что не досказал отец… Я горячо любил отца, он очень тяжело умирал, и каждый раз, когда боль скрючивала его, я сквозь слёзы кричал ему:

- Отец, ты будешь жить, я умоляю твоего бога Огня, я разведу костры, я подожгу землю, и ОН подарит тебе жизнь в огне, рядом со мной!

… Но отец умер! И тогда я, после кремации забрал его прах и высыпал его на гончарный круг, начав смешивать

прах с глиной и со своими слезами, рыдая и плача, я молил отца возродиться – слезы и глина, и плач».

Я предал всё огню, вскричав в небеса:

- И бывшая плоть может обрести жизнь новую в красивом горшке, огонь – горшок из тлена с тишиной земли – слёзы и глина! Так сказал отец, приходивший во сне!

… Расколов вздрогнув, сделал два шага назад, к выходу из камеры, но споткнувшись о порог прошептал:

- Слёзы и глина!..

- Москва Первопрестольная – (середина 19 века)

… Детская песочница старинного Московского двора приюта для детей-сирот, утопала в золотистых лучах утреннего, июльского солнца!

Ярко-зелёная листва тополей кружась на тонюсеньких стеблях под легким ветерком с нехотью выпуская из своих объятий остатки тополиного пуха. Изредка слышался цокот копыт проезжающих мимо чугунного забора колясок и гружёных телег, где рядом прохаживался важного вила полицейский-будочник, держа левую руку на эфесе сабли, правой рукой поправляя чуть закручивающиеся вверх густые усы, и кивком головы поприветствуя дворника, влажной тряпкой протиравшего ручку и дверь парадного подъезда приюта.

… Мальчик лет семи, словно ангелочек с ореолом золотых с витушками полупрозрачных волос, поправив панам-

ку, задрал голову к солнцу, и его прожилки освящённых светилом век, подрагивая засверкали искрами красных оттенков, и зажмурившись ещё сильней, повернув голову в бок от солнца, он вновь приоткрыл глаза, зачаровавшись глубокой небесной синью, и тихо, тихо прокричал:

- Где ты…Бог?! и его детское сознание начало омываться лучистыми мыслями…Но вдруг, в груди что-то кольнуло, и мысли сменились неожиданными картинками в его воображении, которые опутали разум чувством тревоги…

…И неожиданный грохот с раскатом грома потряс всю окрестность! Взлетели чёрные птицы и каркая устремились к церкви, рассаживаясь там на кладбищенских деревцах, а граничащий с Калитниковским кладбищем, птичий рынок, зашумев невообразимой какофонией всевозможных звуков зверей и редких птиц, вдруг стих…А редкие прохожие подняв головы к небу, закрестившись, побежали оглядываясь на темнеющие небеса.

Но свинцовые тучи наползали на, казалось беззащитный город, укутывая его тёмным покрывалом сумрака, и в нависшей тишине, словно в истерике, заметались молнии, расчёркивая небеса яркими зигзагами огненных трещин!

И в этой неожиданно-наступившей тишине улиц, сквозь тьму и застывающий мрак, подобно зазвеневшей басовой струне, пробился горя живительным золотом спасительный луч солнца, который разрезая тьму заигравшей жизнью, начал увеличиваться, гоня прочь наваждение тьмы!

… Со слегка закушенной губой и дрожащими ноздрями, утирая бегущие слёзы рукавом, мальчик под грибком яростно деревянным совочком копал песок, а попадающие комочки глины, откладывал в сторону…

В его голове начали всплывать, не вполне ясные образы недалёкого прошлого:

… Уличный балаган на городском базаре – ярмарке, папа и мама держат его за руки…идёт кукольное представление, где Бог из глины лепит людей…они жили в Саду у Бога…!

… - И я слеплю человечков, папу, маму и братика Мишу! Рыдая вскричал в небо мальчик, зажав нательный крестик с красным камушком посередине в грядной ладошке!

Сердобольная сестра-милосердия, увидев их ангелочка, так сёстры в приюте прозвали Сеню между собой, бросилась к нему, обняв его всего мокрого в грязи и слезах, сама зарыдала, унося его в спасительное тепло дома.

Годом ранее:

… Сеня с мамой, папой и братиком-двойняшкой Мишей, плыли на пароходе в Нижний Новгород, на знаменитую ярмарку по прекрасной и красивейшей реке Волге.

Но в предрассветное время их пароход столкнулся с отвязавшейся грузовой баржей, которую бурлаки плохо закрепили, оба судна затонули и несмотря на спокойную и ясную ночь, мало кто спасся! Особенно из восьми кают люкс-клас-

са, расположенных на нижней палубе. Из 38 пассажиров зарегистрированных на пароходе 21 потонули, в том числе родители Сени, трое пропали без вести, в том числе и его братик Миша.

Но Сеня спасся, и это было чудо, ибо его ночью, в безветрие, выбросило на берег! и его невредимого под утро нашли еле ползущего по тропинке к одиноко стоящему на отшибе, дому бакенщика! И после беглого осмотра фельдшером, в сопровождении полицейского и сестры милосердия, был отправлен в Москву, под временную опеку приюта для детей-сирот чиновников и военнослужащих.

И часто гуляя во дворе приюта, нянечки и сёстры милосердия Марфо-Мариинской обители, обращали внимание на невозмутимый, но очень пронзительный взгляд их ангелочка Сенечки! И судачили между собой, что видимо ничего о трагедии не помнит, и слава Богу..!

Но он помнил всё! И как неведомая сила подняла его из леденящего мрака глубин чёрных вод реки, где ночным течением его волокло по дну, за которое обдирая пальцы в кровь он пытался зацепиться, но его затягивало в погибельные объятия бездны, и он, собрав силы, вскричал в сам водный смерч, и река исторгла его плоть…

И из последних сил, теряя трепещущую искру жизни, он всплыл, но не мог сделать спасительный глоток воздуха, ибо грудь ещё объятиями страха сдавливал глубинный холод.

- Мама! Мама, спаси! раздался раздирающий душу крик

ребёнка в ночи и воды ослабили свои тиски, и невидимая длань небес, его, шестилетнего ребёнка, словно котёнка за шкирку, потянула к берегу, и швырнув в прибрежную грязь не давала отдохнуть, подталкивая его, обессиленного к спасительной тропинке…

… Аз воздам! Неожиданно громкое эхо уходящего раската грома пронеслось по двору приюта среди деревьев, и их зелёные листья затрепыхав, словно в агонии, опали, устлав зелёным ковром землю, и клумбы двора!..

… И вдруг опять, он, Расколов, идёт памятью воспоминаний по гулким коридорам тюрьмы Трубецкого бастиона Петропавловской крепости, где был восстановлен старинный тюремный коридор, где затхлый запах человеческого пота и людской боли, начал преследовать его, а подойдя к особым камерам, его словно опять, и каждый раз, окружали жители потустороннего мира, шурша невидимыми платьями и ехидно шепчась…

И всегда, всегда, неожиданно резко открывалась дверь камеры обдавая камерным смрадом посетителя, и тусклым светом, будто сама тьма распахивала свои полупрозрачные крылья, приглашая войти…

И почему же так, всегда, переступая порог камеры смертников, он, куратор тюрьмы Петропавловской крепости, видит лишь взгляд затравленного человека и обнажённой души…а не душегуба?..

… Годы многочисленных дознаний …разной сложности…и интенсивности…И до сих пор Расколов, в своём дремучем и диком лесу, и топких болотах, во снах и наяву, слышит крики истерзанной плоти и угасающего духа..!

Для всех заключенных, оказавшихся в этом гулком коридоре смерти, прошлое умерло, будущее никогда не наступит, а живы они, только настоящим, а настоящее есть – только мучительная боль!..

Расколов вспомнил тех немногих проверяющих чиновников, которые якобы проверяли законность и порядок в тюрьме. И многих из них отличали такие черты, как: надменность очей и горделивость сердца, и почти каждый исторгал злословие, и каждое слово старался выплёвывать, подобно вкусившему отравлений плод, как будто сами вместо души и сердца имели рудимент*…

… - Боже мой, как я грешен, прости, прости меня! шептал старец, лёжа под овчинным тулупом – ибо я Господи, в мыслях своих, скитаюсь по причудливым заулкам памяти, блуждаю, ища спасительный выход из этого лабиринта несчастий, которые я принёс в этот мир! Господь Милосердный, смогу ли когда-нибудь отмолить их?

- Сможешь старец, сможешь, вместе попросим Боженьку! воскликнул Илюша, залезая под тулуп старца. Серафим вздрогнув и чуть смутившись, добавил:

- Илюшенька, я главного не сказал Господу! Язык не по-

ворачивается рассказать такое..! Не готов я ещё…

- Ты говори, говори старец, а я посплю, но Боженька, всё слышит. Он не спит! Говори…

*рудимент – недоразвитый орган

Глава 3
- НИГИЛИСТ –

Петербург, район Васильевского острова, конец XIX века.

… Яркое, яркое декабрьское солнце неожиданно подарило Санкт-Петербургу свой благодатный свет, оно словно сжалилось, разогнав мрачный небосвод северного города, даря такой благословенный, ясный, зимний день!

И эта северная Пальмира была так чудесна освещена, как будто оправдывая своё величественное название, завораживала всех приезжающих!

- Великолепно! – Потрясающе! восклицали гости имперской столицы, осматривающие центральные скверы и парки. Блики солнечного света рассыпаясь искрами по улицам и площадям осыпали серую одежду домов мерцающими блёстками, а дворцы, словно генералы в парадных мундирах снисходительно взирая на прохожих с высоты своего положения отражали на белоснежные скатерти аллей и дорог множественные солнечные зайчики от своих царственных окон.

И в чудесном солнечном свете сияли золотые купола храмов и церквушек, а ближе к центру, возвышались могущественные стены, хранившие спасительную тайну бескрайнего неба.

- Господи, до чего же велико величие Твоё! шептали сердца прохожих, снимавших головные уборы и задирая головы вверх, проходя ограду в знаменитый Исаакиевский Собор!

… Вездесущие воробьи серыми пятнышками на снегу сновали весёлыми стайками по тротуарам столицы, выхватывая из под ног прохожих малюсенькие крошки хлеба, баранок да ванильных кренделей, которые падали из добрых рук горожан.

Радостные и румяные лица от лёгкого морозца прохожих были настолько красивы и приветливы, что Ярослав, то и дело снимал свою меховую шапку, кивая, легким движением головы каждому встречному, что так приветливо улыбались ему шествуя навстречу. А как чудны были ресницы пробегавших мимо гимназисток, засыпанные искрами пушистого снега от ветра проносившихся саней, кричащих что-то весёлое извозчиков! И девчата отряхнув блистающее серебро снега тихо смеялись в рукавицы, чуть прикрыв ими алые уста, и цокая каблучками по очищенной гранитной мостовой, бежали дальше…

- Ох, ну разини! прошептал Ярослав, когда заметил двух

барышень шедших впереди едва державших в руках с десяток коробок и прочих разноцветных свёртков. – Вот тебе и конфуз! воскликнул он, когда свернув за угол, силясь попасть на Заячий остров, где Нева разделялась надвое, желая всем сердцем поближе рассмотреть первые строения Петра I, как в слепящем свете солнца, на его пути он увидел лежащую, ярко расписную коробку искусно перевязанную атласными лентами, образующие пышные банты в виде роз.

- Вот ротозейки! улыбнулся он, не спеша наклонившись, подняв коробку и с удивлением посмотрел на нервно озирающихся на него девиц…

Ярослав сделал шаг вперёд держа их потерю на вытянутых руках, но, через мгновение он услышал со стороны мостовой громкий окрик:

- Поберегись, в сторону! и промчавшаяся с золотым вензелем карета, обдала его чувством какой-то внутренней тревоги, ибо он странным образом заметил, пристально смотревшие на него детские лица, прильнувшие к замёрзшему стеклу кареты, ладошки с маленькими пальчиками, делая своим теплом проталинки на стекле!

И Ярослав, едва проводив взглядом карету и сделав шаг вперёд, как чуть не столкнулся в выросшей непонятно откуда фигурой здоровенного человека в одном сюртуке, и сильно запыхавшегося!

Ярослав замешкался на месте, когда этот господин в яро-

сти закричал:

- Не смей! Не двигайся и стой где стоишь, или я стреляю!

Остолбенев от неожиданности, когда господин с выпученными глазами навёл ствол револьвера прямо в его лицо, и он, не зная, что сказать, и что ответить, неожиданно получил сокрушительный удар в спину, от которого, вскричав от боли, рухнул на колени, едва осознавая, что всё-таки происходит? И как в туманном облаке до его сознания доносились свистки полицейских, и многоголосье криков…но, через силу Ярослав разлепил отяжелевшие веки, как увидел того господина в сюртуке вырывающего у него злосчастную коробку с которой и побежал к парапету набережной реки Мойки, но, ему кто-то визжа, срывающимся голосом кричал:

- Лавр бросай, бросай! Но, он уже вознёс коробку над головой, подбегая к гранитному парапету, как раздался оглушительный взрыв и огненная волна окутав его вместе с тротуаром, осыпалась искрами и звенящей тишиной…

… Начищенные до блеска хромовые сапоги мельтеша перед глазами врезались в его лицо, шею, живот, спину… Хрипя и отплёвывая кровь Ярослав пытался сделать единственный вдох, но удар ногой в подбородок, отправил его разум в небытиё, спасая от нестерпимой боли…

… Сознание Ярослава путалось между реальностью, бывшую полчаса назад, когда он шёл по тротуару красивейшее

столицы и какими-то чудовищными видениями, когда он чувствуя всем своим телом невыносимую боль…от лица, от тела, от скрученных за спиною рук, от холода железного пола полицейской кареты…

Это сон! Ужас! Это нелепость! Абсурд! Я болен? Это бред! – Где я? кричал Ярослав, когда его скрученного волокли, словно тюк по гулким коридорам Петропавловской тюрьмы…

… Что о, о! Опешил Расколов, когда ему доложили о покушении на семью генерал-губернатора Санкт-Петербурга! А что с самим Георгием Наумовичем? Он жив? Не ранен? Слава Богу!

И спустя время полковник желая лично допросить «бомбиста», что называется по горячим следам, устремился бегом…

- Камеру, быстро открыть! нервно вскричал Семён Ильич коридорному надзирателю, замешкавшемуся со связкой ключей на огромном железном кольце. Наконец, трясущимися руками он открыл тяжёлую дверь, где в полумраке камеры сидел облокотившись на шершавую, каменную стену мужчина в довольно приличной одежде со скрученными за спиной руками на грязном, холодном полу, с изуродованным от побоев лицом, которое больше напоминало один большой вспухший кровоподтёк, с полоской рваных губ и торчащими обломками зубов…

Но тем не менее, именно сам Генерал-Губернатор, был

близким другом его погибших родителей и наставником, и покровителем самого Расколова, и именно Георгий Наумович ходатайствовал перед правительством и самим императором, о причислении должности начальника первого управления жандармерии, к третьей категории в табели о рангах – это означало пожизненное достойное финансовое содержание из имперской казны, и к персонам третьей категории обращались, Ваше Превосходительство!

Полковнику вкратце сообщили, что Георгий Наумович с супругой и двумя дочками-ангелочками ехали к великому князю, гостившему в Зимнем дворце у царствующего брата, попить чайку и обменятся светскими новостями, особенно из Европы, откуда последний прибыл буквально накануне.

- Негодяй, подлец! громко воскликнул Семён Ильич, только представив себе картину возможного преступления, и с силой ударил ногой «террориста» в грудь:

- Ты, ты свинья понимаешь, там, там были дети! Ты нелюдь, мразь! и с размаху ударил преступника ногой в ухо. – Если хочешь пожить немного, говори! Бог свидетель, что ты и сам не представляешь какие силы ты пробудил, и что тебя ожидает! И в этой и в загробной жизни, нигде ты обретёшь покоя! Говори тварь! вновь ударив узника носком сапога, и пытаясь раздавить лицо каблуком сапога. – Фамилии, адреса, явки? Живо! и вновь посыпались удары со всех сторон. «Террориста» раздели догола, разрезав всю его одежду огромными, чугунными ножницами.

Ибо в жандармерии было известно, что первые часы допросов самые плодотворные, т.к. уже спустя например сутки, душегубы или бомбисты всех мастей, собираются с мыслями и начинают лгать, изворачиваться, придумывая правдоподобные, а порой и нелепые версии случившегося, но в итоге, основная масса преступников начинает торговаться со следствием! Это уже психология…пронеслась мысль у Расколова.

… - Я задал тебе мразь вопрос! в самое ухо вскричал полковник, и припал ухом к его разбитым губам.

- Я ничего не понимаю, что со мной? еле разлепив кровавые губы, прошептал «бомбист», и содрогаясь дрожащими плечами зарыдал – За что, за что? шептали его кровоточащие уста.

- Развяжите его! приказал полковник.

И «террорист» ладонями закрыл изуродованное лицо, и слёзы смешиваясь с кровью потекли между его пальцев, - За что? За что? продолжал повторять он.

- За что? уже чуть с каплей сомнения произнёс Расколов. – Тебя взяли с бомбой в руках! Погиб начальник охраны генерал-губернатора, а ты спрашиваешь за что? и ухватив Ярослава за волосы, прошипел ему в лицо.

- Я удавлю тебя сам своими руками и не взирая на свой мундир, ибо ты бездушная тварь хотел предать огненному смерчу взрыва двух, ни в чём не повинных девочек, и же-

ну генерала-губернатора, швыряя своими погаными лапами бомбу их карету! Будь ты проклят, исчадие сатаны! и новая волна гнева объяла Расколова…

… Бесконечные допросы сопровождались физическими и моральными пытками, день сменял ночь, но для заключённого Ярослава, это была бесконечная ночь, и в отчаянии он возопил:

- Господи, нет сил больше! Что же я сделал такого пред Твоими очами, что палачи не могут унять гнев свой?

- Баптист! усмехнулся коридорный надзиратель – а всё как человек, к Богу взывает! опустил глазок камеры надзиратель.

- Осип Андреевич, а правда, что эти баптисты детей едят? спросил молодой стажёр-надзиратель у давнего старожила тюрьмы Петропавловской крепости.

- На счёт детей то мне неведомо, а вот у моей сестры, что в селе живет, Мерина её сожрали, это точно! Так то, стало быть, варежку свою не разевай! Засмеялся Осип Андреевич.

… - И так, господин Евлантиев Ярослав Яковлевич, если не ошибаюсь. Ваша личность установлена и подтверждена! произнёс ровным голосом один из помощников Расколова. – Что записать в сегодняшнем протоколе допроса?

- Поверьте, я ни в чём не виновен, и никого, о ком вы все твердите, не знаю! твёрдо ответил он, едва шевеля разбитыми и опухшими губами.

- Значит разговора у нас не получилось, а жаль, в вашем

положении молчание – смерти подобно! равнодушно произнёс следователь, дав знак конвоиру увести арестованного.

- Ну пошли что-ля, нехристь! злобно прошипел конвоир и когда вышли за дверь кабинета следователя, ударил с силой со спины в правый бок заключённого, от чего последний вскрикнув от болт присел на корточки, ибо всё его тело было покрыто множественными гематомами…но удары ногами опять посыпались со всех сторон и вроде не совсем сильные, но ему избитому они казались нескончаемой пыткой…

… Спустя время конвоиров и надзирателей позвал в свой кабинет старший следователь:

- Любезные, проясните мне, почему все вы этого бомбиста называете – НЕХРИСТЬ? По моим сведениям, он весьма религиозная личность!

- Так это, ваше высокоблагородие, Богу-то он вроде как и молиться, поёт что-то, про Бога-та, ан-нет! Ни разу, ни разу не крестился! Мы его и укоряли мол, про крестное знамения забываешь что-ль? А он в ответ, в Святом писании якобы про енто ни слова! Одним словом, басурман, то есть – нехристь! Да, и на иконку, что в углу камеры, даже не смотрит, как ни крути – еретик!..

… - Разрешите ваше превосходительство? Следователь постучав в дверь кабинета Расколова вошёл, замерев перед письменным столом начальника первого управления жандармерии.

- Присаживайтесь, господин Борисов! Расколов указал рукой на мягкий стул возле стола. – Пожалуйста, кратко и по существу, мало времени!

- Данные на Ярослава Евлантиева подтвердились, он принадлежит к баптистской церкви, не исключено, что из радикально настроенного крыла! Проводит ненавязчивую пропаганду среди надзирателей по склонению в сектанта-баптистскую веру! На каторгу думаю он уже наговорил! Радостно потёр руки следователь.

- Вы что себе позволяете, Борисов, я вас спрашиваю!

- Простите, Ваше превосходительство, но я вас не понимаю!

- Не понимаете? Вы явились на доклад и вместо фактов, улик и данных по расследованию о покушении на совершение убийства генерала-губернатора и его семьи, несёте чушь! Наговорил на каторгу, проводит пропаганду по сектантка-баптистской линии…

Вы мне господин Борисов не про Ярика баптиста говорите, а данные, явки, адреса сообщников, кто за этим стоит, мне вас что, учить? как расследуются террористические преступления?

- Всё будет исполнено, простите ради Бога, ваше превосходительство! Прошу особой санкции…

… Семён Ильич, Сеня, здравствуй мой дорогой! Генерал-губернатор Санкт-Петербурга, выйдя из-за огромного

письменного стола радужно обнял Расколова. – Как ты похож на отца, та же стать, а вот глаза матери… Царства им небесного! и генерал перекрестился. – Говори родной, с чем пожаловал?

- Георгий Наумович, с бомбистом проблема, молчит негодяй! тихо сказал полковник.

- Значит Сеня, ты за санкцией на особый способ дознания? грустно спросил градоначальник.

- Да, Георгий Наумович, я же не для себя, и не для брата прошу! По-другому никак, они-то нас не жалеют!

- Извольте, я подпишу! Дайте перо…

… Ярослав не мог спать спокойно за все дни ареста, он впадал то в забытьё, то не мог сомкнуть глаз, вздрагивая от неожиданных звуков, ожидая цокота подкованных сапог… Он был готов ко многому, но эти истязания, казалось, превышали его внутренние жизненные силы.

- Господь милосердный, не оставляй меня в час скорби моей, дай сил пройти и это испытание! возопил он, рыдая в ночной тишине холодной камеры, где в небольшом окошке завывал ледяной ветер, и редкие снежинки, закружив в сумраке падали и сразу таяли на трясущихся ладонях узника – За всё слава тебе Боже! И закрыв отяжелевшие от побоев веки вдруг необъяснимым образом увидел чистейшую голубую синь небес, которую он видел и запомнил в тот роковой день ареста: - Благодать Господа с сиянием солнечного све-

та! – прошептал Ярослав, и держась за непрестанно болевшие рёбра, которые мешали чуть глубже вздохнуть, он подошёл к стальной решётке, и смотря на чёрное, подёрнутое дымкой с редкими снежинками небо, более похожее на саван, вновь закрыл глаза запев дрожащим голосом хвалебную песнь Иисусу Христу…!

Никогда Ярик не думал, что окажется в камерных узах безвинные, что каждый день и каждый час будет избиванием, и страдая не осознавать, что происходит? За что страдания? и когда это кончится?! И лишь в одиночной камере, не видя ни одного сострадательного взгляда, иль сколько-нибудь доброго слова не слыша, сердце и душа его осознали, что ближе и роднее Бога – никого нет! И не может быть! И всё самое прекрасное, всех самых дорогих и родных ему людей, создал Господь! – Вот почему я должен любить Бога больше матери, отца, детей, ибо, всё это Господь! воскликнул он в решётку тюремного окна. И осознание этой, вроде простой истины, пробудили в нём неведомые ранее духовные силы.

- Господи, велика мудрость Слова Твоего Святого! Лишь только попав в камеру я смог осознать истину Твою! Слава Тебе господь Всемогущий! И эти пытки – это милость для меня! Господь удостоил меня чести пройти эти мучения без вины, страдая как и Христос страдал за всех нас! шептал он, вытирая слёзы.

И Ярослав схватился за голову, воскликнув:

- Боже! В боли и страдании имею радость о Тебе Великий! Принимаю испытания от Тебя, ибо верю любишь Ты меня, всё это во благо моей души, а не для смертной плоти! Осознаю Господи, что наши, и моя жизнь, лишь преддверие будущей!

Как найти мне те слова о Господи, чтобы выразить те чувства, что я обретаю сейчас, душа, словно парит, дух возвышен над болью!

Моя трагедия оказалась даром от Господа, ибо частицу понимания Слова Божьего, я начал обретать лишь в мучительных узах…воскликнул он воздев трясущиеся руки к зарешечённому маленькому окошку.

… - Когда человек разговаривает с Богом, - это признак святости! Закрыв глазок камеры, тюремный священник, отец Иоанн, перекрестил камеру Ярослава, и вытер набежавшую слезу.

- Так это, батюшка, мне вот тоже, ночью Бог и говорит, мол, служи в тюрьме, святость обретёшь! воскликнул молодой стажер-надзиратель.

- Эх глупец, прости меня Господи! – А когда Бог разговаривает с человеком, это может быть признак безумия! Ну пошли кого соборовать надо, а то отойдёт ко Господу не исповедовавши, ночь за окном да вьюга, а кто там помирать собрался? прошептал священник держась за локоть молодого надзирателя.

- Так старовер батюшка, из 14^{й} камеры! Тоже сектант!

- Цыц щенок, смотри за собой оголтелый! Сурово ответил о. Иоанн…

… Ну что старец, готовишься к загробной жизни? ласково прошептал священник.

- К загробной жизни готовятся не раскаявшиеся души, а я молюсь и готовлюсь к вечной! строго, но еле шевеля устами прошептал старец, и закрыв глаза добавил. – Я единоверец, под матерью православной церкви хожу. – Не откажи, соборуй меня, чувствую в путь отправляюсь к Господу!

- Путей к Господу множество, но истинный лишь один! доставая раскладной иконостас, кадило, ладан, шептал священник, но посмотрев на остекленевшие глаза старца, перекрестился – Прости, не успели!

- Чуть-чуть не успел! с сожалением прошептал стажёр.

… И опять прикрыв отёкшие от побоев веки Ярослав увидел лазуревое небо, густо залитое солнечным светом пробивающееся в его сердце, в разум, даже через зажмуренные глаза! – Слава Богу, великая Слава! странным образом отдавалось и слышалось в его сердце. – Из Савла в Павла благодать струится! Ещё большим эхом затрепетало сердце и чувство восторга о Господе, наполнило каждую клеточку организма. – Действительно, Господь не даст испытаний свыше, чем сами сможем пронести! шептали радостные уста.

- Эй, басурман, на выход к следователю! послышался громкий, грубый голос за дверью камеры, под лязг открывающего замка. – Ярослав посмотрел в зарешечённое окно и с

удивлением обнаружил, что наступило зимнее, серое утро.

…- И так господин Евлантиев, у вас есть возможно, последняя попытка рассказать правду, покаяться! и Расколов прошёлся по странному, тёмному помещению без окон, расположенного где-то под землёй Петропавловской тюрьмы. Рядом за простым столом сидел секретарь – следователя Борисова, готовый вести протокол допроса, а в тёмном углу подземелья, стояли двое неизвестных, в матерчатых масках и с засученными рукавами до локтей.

- Мне нечего вам сказать, я не совершал, в чём вы хотите обвинить меня. Господь свидетель! тихо произнёс Ярослав.

- К Вам будут применены особые меры дознания, доктор осмотрите его! а вы можете ознакомиться с постановлением!

- Никаких ознакомлений, ничего, на всё Христова воля! уже уверенно прошептал узник.

- Господь здесь вовсе не причём! и обернувшись к палачам, прикрикнул – Приступайте!

… - Боль, Боже, какая боль! Сердце ухает огромным барабаном в ушах, заглушая все крики в подземелье! Господи дай силы претерпеть мучения… они нелюди… - Боль… тянущая с криком вырывается из самого сердца… мам… колени… кисти… вот, вот всё ломается… чернота… вода… дрожь… холод… боль в темноте… удары не чувствуются… легкие не могут вздохнуть… крики… мать… а-а-а, чернота, дрожь… холод… сердце бьётся нестерпимой болью… замирает… бездна… чёрная бездна… где я… что я… Господи,

не покинь меня… свист в ушах… чернота… - Ты со мной Господи!... Только Ты… по положению от 1861 года и указа его императорского… величества… вера ваша не запрещена… а вот пропаганда… - что подписывать?

…Я бомбист одиночка… в присутствии… подпись…

- Что творишь ваше превосходительство! ворвавшийся в помещение священник со слезами в голосе возопил:

- Побойся Бога, невинную душу губишь, Семён!

- Кто пустил этого святошу? закричал Расколов. – Кто?

- Милости для него прошу! Ты крест православный носишь! умерь гнев свой, ради Господа нашего Милосердного, молю тебя! и отец Иоанн встал на колени перед Расколовым.

Полковник склонившийся над «бомбистом», взял в ладони выбившийся из под кителя нательный крестик, блеснувший красным рубином, и поцеловав, убрал за пазуху и увидел открытую щелку глаза террориста.

- Брат! прошептал Ярослав – Христос…

- Я тебе дам сука брат! и Расколова обуял гнев…

Ни во Христе и никак! и уже сам полковник одев кожаные перчатки начал избивать узника.

- Семён, ради Господа успокойся! и священник схватил Расколова за колени, рыдая и моля прекратить избиение. – Христос простит тебя! «Облекитесь в любовь, которая есть совокупность совершенства» - шептал священник.

- Да ты никак благовествуешь, поп? вскричал Расколов. А как же душегубы, впивающиеся в плоть детей? Они каж-

дый раз клянутся, рыдая и обливаясь слезами, в любви ко всему живому, но всякий раз, завидев беззащитную жертву, теряли рассудок…Для них ты тоже будешь благовествовать? Их тоже Бог прощает? Так отправляйся и ты к своему милосердному Богу, но только без головы! и Расколов кинулся с пеной у рта к «террористу», стараясь ухватить его за голову и выкручивая её, крича – Пусть твой Бог соединит ушедшее в небо с вонючими земными!..

- Семён Ильич! Пусть скажет преступник! – вмешался секретарь.

- Пусть! – вскричал Расколов.

- Вы, смерть сквозь душу пропускаете! – прошептал Ярослав и посмотрев на доктора спросил его имя.

- Имя я оставляю дома тварь, но яд всегда с собой! прошипел врач.

- Вот люди, смотрите чья душа изъедена коррозией, здесь надо врачевать души! – Смотри доктор! и узник сорвал с себя рубаху, и оголились ужасные следы избиений, огромные гематомы на плечах от дыбы – Но мне не нужен врач, я обрёл радость моим мучениям, ибо не имею вины в преступлениях… Вы даже избили моё сердце, но душа пред Богом чиста, хоть и оплёвана вами!

У меня уже нет лица…изуродовали…и брату не узнать… и узник боясь посмотреть на полковника, посмотрел на его сапоги в его крови… Я уже вижу закаты…но…это мои кровоподтёки…на лице…Боже мой…Зорь не увижу…плач…

горькое рыдание…Господи…за всё Слава Тебе!

- Ну что Евлантиев, готов сознаться? – спросил секретарь.

- Боже! Как печально сердцу моему, что люди потерявшие страх Божий, стоят и вразумляют меня…

… Батюшка дорогой, так объясни мне неразумному! Расколов обняв колени сидящего в его кабинете священника со слезами в глазах и дрожью в голосе, восклицал:

- Что же это за любовь такая смотреть на страданье и боль, самому мучиться, когда сквозь закушенные губы струится кровь от боли, пыток, когда в крике отчаянья застывает от страха кровь, и тухнет взгляд и это тоже любовь – которая есть Бог? Когда гибнут дети, родные, младенцы, когда случаются войны, моры, голод, разруха – это тоже любовь – это тоже Бог? – Дела Бога? И даже узники, виновные – невиновные, всю жизнь прикованные к камню, и в последний миг кричащие миру проклятия, миру, который осудил их, виновных, невиновных, на погибель в страшных муках, и лишённых всего, даже простого доброго взгляда, даже, просто человеческого отношения, хоть иногда!

- Это тоже всё любовь? а любовь – это Бог!

- Да, дитя моё, любовь – это Бог! Ибо все наши страдания и скорби – ничего не стоят в сравнении с той славой, которая откроется в нас! Это Слова из послания римлянам гл 8: стих 18, это Божие Слово, Семён! Только вдумайся в глубину этих строк! Ведь наша жизнь это лишь мгновение

перед пробуждением к вечности! И что бы в это мгновение жизни, мы все осознали свои вольные или невольные грехи, всего-то!

А Бог посылал своего Сына в мир, чтобы спасти нас, и Христос взял все грехи на себя, и безвинный был предан крестной казни…и Воскрес!

- Так любит нас Бог или нет?

- Не знаю! прошептал Расколов.

- Каждый из нас видит лишь мельчайшую частицу картины окружающего нас мира, - мироустройства, и не в состоянии понимать, ту необходимость происходящего! Всю картину нашего бытия видит только Бог! Но мы частицы Бога! и должны верить ему, как и наши дети, частицы родителей, верят родителям! Всем сердцем! Богу не нужны бездушные, безмозглые, не разумные создания, которые не могут осознать любовь, Бога!

И наши души приходя в мир, должны проходить тяжёлые испытания, каждому свой крест! И только так, проходя все эти страдания, человеческая душа обретает сознание, чувства и постигает любовь – которая угодна Богу, любовь, которая есть – Бог! Вот так земные чувства соприкасаясь с небесными – обретают благость во Христе, а Христос – единство Бога и Святого Духа, в котором не существует границ возможностям, где разум человеческий не в силах постичь, даже малой частички мудрости, той, где по велению Сущего,

создаётся гармония во всей вселенной! священник тяжело вздохнув, погладив голову сидящего в ногах Расколова, добавил:

- Семён, повторю Святую истину, «что нынешние временные страдания, ничего не стоят в сравнении с той славою, которая откроется в нас». – Это очень важная истина, это обетования Господа!..

… Государственному преступнику Евлантиеву Ярославу Яковлевичу отказано в прошении о помиловании и приговор суда, смертная казнь, через повешение, утверждён!

Гвардии полковник Расколов Семён Ильич, находился в специальном помещении на втором этаже тюремного корпуса, откуда открывался «прекрасный» вид на эшафот (висельницу). Семён с необъяснимым трепетом и страхом наблюдал, как Евлантиева вели к месту казни. Он дождался, пока ему зачитали приговор и отказ в помиловании, и как палач набросил петлю на его шею, как надел на голову жертве мешок, и как перед этим преступник, что-то кричал! Палач потянул рычаг…и полковник отвернулся, словно его грудь стеганули раскалённым до бела, железным прутом! Раз, два, Расколов схватился за сердце, стучавшее с большими перебоями:

- Прости Господи! непроизвольно прошептал он, и спустившись к эшафоту, подозвав палача, спросил:

- А что там орал преступник?

- Так это…ваше превосходительство…славил Бога, зна-

чит раскаянная душа, отошла…кхе!

- В гневе своем сокрушится
сердце безумного –
(отшельник)

Глава 4
«СУДЕБНАЯ ОШИБКА»
Спустя 10 дней:

… До сих пор Расколова странным образом не отпускала тяжесть на сердце и какая-то душевная точка, словно он утерял что-то дорогое, родное, в добавок ко всему, вот уже три ночи, ему снится один и тот-же сон, что он стоит среди сотен людей, которые собрались на залитой солнцем площади, возможно Иерусалима, и он Расколов, странным и необъяснимым образом слушает и частично понимает голоса зевак стоящих, а обветшалых одеждах рядом с ним.

Но он не видит, что происходит там, за людьми, на площади, но чувствует сердцем и душой до самых кончиков волос своих, что там судят Христа! И он, Расколов, опускает взгляд свой, под ноги свои, стараясь слиться, подобно тени с толпой, стараясь не выдавать себя и лишним вздохом, ибо он прячет, даже ща дуновение ветра, свой мундир главного жандарма Российской Империи!

И когда вся толпа взревела криком:

- Распни Его! стоявшие рядом с ним зеваки, начали оборачиваться на Расколова, подмигивая и кивая головой в знак одобрения его действий и помыслов!

- Я здесь ни причём! Это ваш Сидарион и прокуратор Понтий Пилат! хрипя и задыхаясь, выкрикнул Расколов, но его шёпот никто не услышал:

- Понтий Пилат! Вскричал Расколов, вскакивая со своей постели в холодном поту, но спустя минуту, он уже не помнил своего сна. Приняв ванну, приведя себя в порядок, он пристальным взглядом оценил каждый безукоризненный шов своей формы, и крутанувшись перед большим зеркалом, вдруг вздрогнул, ибо на какое-то мгновение ему показалось, что форма имеет багровые тона, по которым, как бы стекают крови. – Тфу ты чёрт показалось, надо на недельку уехать отдохнуть! прошептал он.

… Полковник, по обыкновению кивнув секретарю в своей приёмной, легким движением руки хотел открыть дверь в свой кабинет, в управлении жандармерии, на Литейном.

- Ваше превосходительство! Вас ожидают ваши помощники! воскликнул секретарь.

- Да, благодарю, я в курсе! ответил Расколов.

Трое его доверенных и близких помощников встали при его появлении, кивнув головами.

- Прошу прощения господа, мигрень, поздно лёг!

И пожалуйста кратко, что случилось, к чему такая необходимость моего присутствия? воскликнул Расколов, садясь

в своё любимое кресло, и с теплотой проведя сухими ладонями по своему огромному письменному столу.

- Семён Ильич! Ваше превосходительство! – Взяли! едва-ли не хором воскликнули помощники.

- Кого? слегка растерянно спросил он.

- Всю, всю террористическую группу! и помощник Смирнитский прочёл Расколову протоколы первичного дознания подозреваемых – группа называет себя «черные ангелы революции!» - Желаете лично участвовать в первых следственных мероприятиях, Семён Ильич? и помощник положил протоколы перед своим начальником.

- Безусловно! Они уже в Петропавловской? В тюрьме? с какой-то тревожностью и чувством беспокойства, спросил Расколов…

… Опять который раз эти гулкие маги по тюремным коридорам, разносясь тройным эхом по всевозможным закуткам старинного сооружения, отражаясь от каменных стен, пробуждали своим загадочным отражением, не только не упокоенные души злодеев, но и живое население Казематов крепости…

Арестанты, услышав шаги кованных сапог, прижимаясь ухом к колоду железных дверей пытались услышать отрывок фраз или слова, и в своей фантазии представить, куда направились, и зачем «незваные» гости узилища!

Даже крысы и мыши, провожая людей своими бусинками

глаз, возвращались в свои норы, не обращая взора на множество пауков и тараканов, застывших в позах хищных охотников.

…Расколов в сопровождении своих помощников, направились, стуча перебоем множества сапог, в специально расположенный, недалеко от тюремных камер, кабинет для допросов, и властным движением кисти, указал на дверь, и коридорный, подобострастно кинулся отпирать кабинет. Полковник зайдя в помещение жёстким голосом произнёс:

- Свету сюда! И побольше! крикнул он побежавшему по коридору надзирателю. И немного щурясь, и привыкая к сумраку помещения, резким движением взяв стул с мягкой обивкой поставив его на середину комнаты, выждав паузу, пока установят дополнительные, свечные светильники, с чувством небольшого раздражения, произнёс:

- Ну-с, господа?! и сел на стул заложив ногу за ногу, обхватив их ладонями рук, сцепив пальцы в замок.

Лязгнув замком в двери, в кабинет буквально втолкали двух насмерть перепуганных девицы, лет 19-20!

- Смелее, смелее лярвы, убивать людей вы мастерицы, а как ответ держать… мочу удержать не могут!! грозно восклицал коридорный надзиратель, усаживая их возле матового окна на привинченную железную лавку.

Расколов с интересом разглядывал девиц, нервно кусавших свои губы и прячущие в пол глаза.

- Рассадите их! приказал полковник, и девиц развели в

разные арочные углубления в стене, в которых можно было только стоять, ибо эти углубления закрывались решеткой, и девицы слышали друг друга, но не видели.

- Мы вам всё равно ничего не скажем! воскликнула одна из них, и тотчас-же надзиратель плесканул из большого ковша, ледяной воды, и та, вздрогнув, заплакала.

- Я пока вас ни о чём и не спрашивал! крикнул полковник. – И пока не собираюсь, понятно? и вскочив, ударом блестящего сапога в щепки разбил мягкий обитый дорогой материей, стул.

Все, в том числе и бомбистки с удивлением, и страхом посмотрели на Расколова.

- Смирницкий, фото! резко сказал полковник – Послушайте вы… Расколов стиснув зубы, продолжил – Всё необходимое и так известно, доподлинно, понятно? Вскричал полковник, и чуть спокойней – вы «гетеры чёрного ангела» - и я предаю ваши судьбы в ваши же руки! – Понятно? девицы и даже два надзирателя послушно закивали. И Расколов, подойдя сам, вручил каждой по фото казнённого Евлантиева Ярослава Яковлевича.

- Он? не говорите, просто кивайте головой! девицы в унисон закивали головами.

- А теперь можете говорить, и громче!

- Он, он, он! громко воскликнули девицы, кивая головами.

- А теперь с этого момента поподробней, не подавая голо-

са, пикните хоть слово, … смотрите! Дайте им по бумаге, в общем, каждой письменный прибор…

…Яркое декабрьское солнце осветило богато обставленную комнату второго этажа особняка купца первой гильдии Антонова.

- Бритва! Подойди дитя моё! тихо прошептал Лесояр, приблизившись к морозно-прозрачному окну, и обернулся.

- Что же тебе-то не хватает, живёшь в таких хоромах?

- Это не жизнь видеть зажравшиеся морды пьяных купцов и господ дворян, изображавших людей высшей, избранной касты, а по нашим брат Лесояр размышлениям, согласно житейскому уставу, они не дотягивают до животных, и подлежат ликвидации как класс, и как вид! тряхнув головой, воскликнула Бритва.

- Прекрасно сестра, но сухо, топорно, надо мягче! и Лесояр повернув голову к окну, зашептал, разглядывая белый пушистый снег, укрывший нежным покрывало улицы Санкт-Петербурга.

- Смотрите! и все примкнули к трём окнам. – Им всем, всем плевать на всё! Но небо старается изо всех сил, кружа благословенным снегом, подарить им, среди серости жизни, свою нежность, и любовь озаряет их поганые лица Божественным светом солнца! Но, они вовсе не замечают этого благолепия и сапогами топчут эту Божественную красоту! – Неблагодарные! Смотрите на них! Ихние лошади подкован-

ными копытами топчут благодать от Бога, а потом метлой из рук полупьяных дворников сметают этот небесный пух превратив его в грязь сугробов, чтобы потом выкинуть в сточные канавы! Итак во всём, за что бы не бралось это сучье племя, всё прекрасное и Божественное они превращают в смердящие свалки! и немного продышавшись Лесояр продолжил с дрожью в голосе.

- Достоин-ли глава этих дикарей величающий себя генерал-губернатор нашей столицы, смерти? Вместе со своим выводком, которые спариваясь в тухлятине рождают себе подобных опарышей! Достойны смерти! вскричал глава группы «чёрные ангелы революции».

- Достойны, достойны, достойны! тихо, совсем негромко повторяли все присутствующие, подняв вверх два пальца левой руки.

Лесояр, чуть улыбаясь замер у окна, его взгляд привлёк мальчишка лет семи, который бросал ягоды отрывая их от большой грозди рябины, кормя птиц и нескольких снегирей с опаской наблюдавших за красными ягодками, которые катились ярко светясь на белом фоне, подобно капелькам крови на белоснежной скатерти…. И птицы осмелев ловко кидались на красные плоды, и схватив вспархивали в высь удобно усаживаясь на карнизах домов.

- Это знак нам? кивнув на окно, радостно заулыбался Лесояр. – Значит, сегодня кровушка снега украсит! и взглянув на часы, воскликнул.

- Роза, Марья – теперь вы наши сестры Бритва и Коса! Вы с нами навсегда! Вы «чёрные ангелы»! Поздравляем!

- Вы готовы? тихо, но вкрадчиво произнёс Лесояр.

- Да, да старший брат! кротко, но уверенно произнесли девицы, и их взгляд, их осанка, наполнялись силой, гордостью за доверенное дело.

- Вы сёстры, здесь бросаете «красную» коробку! и Лесояр склонился над картой, нарисованной от руки, - Ясно? Бритва, - Коса? – А ты Фрол? – Лесояр обратился к немного глуповатому на вид, но бесстрашному бугаю лет 25-ти. – Фрол, ты подбираешь коробку и якобы пытаешься догнать девиц, но… карета губернатора в это время должна поравняться с тобой Фрол! Сильно не кидайте коробку… так, якобы нечаянно упала, а то взрыватель кислотный, Фрол, не промахнись, молю тебя!

- Брат Лесояр, я ещё раз прошу, самому держать мину, а там, будь, что будет …! и Фрол махнул рукой.

- Только в крайнем случае брат! и Лесояр подойдя обнял детину Фрола, смахнув побежавшую слезу…

- Теперь, мастер-минёр, ты в ответе за мину и взрыв в нужный момент! прошептал Лесояр.

- Брать!вышел на середину минёр. – Я вам всё рассказал и показал, от взрывов «гремучего золота»,т.е. смеси золота и аммиака, до современной взрывчатки. Выбор сделан, и я несу за него ответственность. Да свершится справедливое возмездие!

- Да будет так! ответила негромко многоголосая толпа…

… Чёрт бы всех вас побрал! взвился Расколов сперва ощутив некое волнение охотника, гонящего дичь, да ещё при слове девиц, ОН, смотря на фото.

- Что конкретно ОН? воскликнул Расколов подскочив вплотную к девицам.

- Это, тот самый господин, который сорвал нам всю операцию!!! в один голос заверещали девицы.

- Что значит сорвал? охрипшим голосом, чувствуя что-то тревожное, воскликнул полковник.

- Этот, простите идиот, господин, непонятно откуда появившийся, вместо нашего Фрола поднял коробку и хотел нам вернуть, он подумал, что мы её потеряли… но мы наутёк и спрятались…

- Как это… этот не с вами?... Расколов не мог проглотить ком в горле, он мешал дышать… и полковник закашлявшись вышел прочь…

…Да, дорогой мой, мне уже доложили! и генерал-губернатор посмотрел на серое лицо Расколова, и заметил посеревшие виски.

- За двадцать лет безупречной службы, Георгий Наумович! и Расколов опустил голову.

- Да Семён, врагу не пожелаешь пережить такое! Тебе Сеня надо отдохнуть на море, подлечишь нервы, а заодно… и

генерал повысил голос, и в нём уже звучали непримиримые стальные нотки. – Тебе, и именно тебе Семён Ильич, предстоит встретиться с родными Евлантиева Ярослава! И уладить дело о досадном недоразумении… в финансовом отделе получишь тысячу рублей компенсации, если конечно сможешь уладить дело миром, ты меня понимаешь Семён?

- Да, конечно, ваше высокопревосходительство!

- Не смею вас больше задерживать, господин Расколов…

… Однако следствие по делу «чёрных ангелов революции» начало затягиваться, и полковник смог выехать в Одессу только в конце апреля…

… Расколов пристально вглядывался в довольно спокойные воды Чёрного моря оправдывающее своё название цветом воды, двигаясь на пароходе «Святогоръ» из порта Новороссийска в Одессу.

Он всё время своего путешествия обдумывал, как и о чём начать разговор с родными Евлантиева Ярослава, безвинно повешенного по приговору военного трибунала.

- Ну куда смотрели эти судьи! невпопад воскликнул он, и что-то вспомнив посмотрел на свой первый кулак, сплюнув за борт в воду и похабно выругался идя по пустынной палубе, оправдывая сам себя.

- Ну, а что господа прикажете думать и делать, когда, именно из его рук, из его, была вырвана бомба! и погиб прекрасный человек, достойный всяческих похвал, Лавр! отче-

ство и фамилию Расколов запамятствовал. Но всегда помнил его встречающего всех гостей генерал-губернатора, всегда с улыбкой, радостного, но, с очень проникновенным взглядом.

И стоя возле поручня парохода, и чертыхаясь на судьбу, которая так и не справедливо обошлась с Евлантиевым, он вдруг вспомнил, его глаза, словно я с ним близко знаком, да, но лицо всегда было разбито и опухшее.

- Тфу, да чёрт с этими глазами! воскликнул полковник, и вспомнил взгляд Ярослава не моливший о помощи, он сказал – брат… - Да, у этих сектантов все адепты братья…

- Милостивый государь с Вами всё в порядке? Помощь не требуется? дама средних лет, прогуливающаяся по залитой солнцем палубе, подойдя вплотную, участливо вопрошала Расколова.

- Простите, сударыня, отвлёкся, всё хорошо! и чуть приподняв шляпу, удалился в свою прохладную каюту.

Наконец, в утренней дымке рассвета сначала показались далёкие доки Одессы и в воздухе закружили громко крича белоснежные чайки, наперебой споривше с пароходными гудком.

- Одесса господа! Сама Одесса! под звон судовой рынды послышался голос боцмана.

Расколов спустившись с трапа был весьма удивлён, его ждала целая карета, а встречал его по указанию Ивана Дмитриевича Зелёного, молодой ротмистр жандармского управления Одессы.

- Господин Расколов пожалуйте в карте! подобострастно, слегка поклонившись он открыл дверцу приглашая удобно устраиваться… так всегда подобает в провинции встречать столичного гостя, подумал Семён.

- Может быть желаете, так сказать с дороги… ну там коньячку, шампанского, ваше превосходительство?

- Так ротмистр, расставим приоритеты! и Расколов, растирая виски от наступающей мигрени, продолжил – благодарю за одесское хлебосольство, но я в Одессу прибыл по своему делу, и отнюдь не с проверкой вашего управления! И сейчас, без лишних вопросов дуй в управление, всё понятно? Поехали! недовольно буркнул он.

… - Семён Ильич, ваше превосходительство! и Иван Дмитриевич Зелёный раскинул руки для дружеского объятия, ибо действительно они не виделись много лет, ещё со времён их совместной службы в Санкт-Петербурге!

- Ну-с господин полковник, из самой столицы, с чем так сказать к нам? Казнить, аль миловать? радушно произнёс Зелёный. При слове казнить у Расколова задёргался правый глаз.

- Миловать, миловать друг мой! поспешно отозвался Семён Ильич.

… Они вспоминали молодые годы, лихие проделки и величественные танцы на приёмах высокопоставленных особ. Они были добрые и порядочные сослуживцы, и слова импе-

раторский дом, отчизна, честь, всегда вызывали трепет и отвагу!

И Иван Дмитриевич, видя нерешительность Расколова сам произнёс:

- Он был приличный человек этот Ярослав Евлантиев, я бы даже сказал, очень! Уж от кого, но только не от него, не от этой семьи ожидать связи с нигилистами. – Хоть они и баптисты, но поверь Семён Ильич поверь, они порядочные люди! и Зелёный закурил – Сигары? и пододвинул к нему коробку. Выдержав паузу, Зелёный продолжил, наслаждаясь ароматным дымом. – Что он бомбист, нигилист, это немыслимо!

- Иван Дмитриевич, по разговору я вижу, что ты знал его лично? прошептал Расколов.

- Его здесь многие знали и я в том числе! У него самые вкусные балыки и для жандармерии, он уделял особое внимание… - Он был именно торгашом, и добрым человеком. Никогда и никто не слышал от него злого слова, никого ни на копейку не обманывал! Не веришь? спроси того кого встретишь здесь, на твой выбор, Семён Ильич! И вдруг, он видите-ли, революционный бомбист, нигилист!

- Ну а на духовной, баптистской почве? спросил Расколов.

- Семён Ильич, он и веровал-то как-то странно, я бы сказал ласково, говорил о Боге с дрожью в голосе, как о единственной любви! Для него католик, православный, всё едино, главное чтобы Бога любили и ближнего, я бы сказал, на

почве этой любви… он был… немного того… ну как, юродивые возле церкви, но только этот торговал балыком! Вот так.

- Тебя послушать Зелёный, аж слеза пробирает, чуть-ли не святой был этот Ярослав! прохрипел полковник.

- Нет Семён, этот и выпивал иногда, и любовь была, хорошая девка, с отцом на рыбалке в шторм утонули! Всей Садовой улицей их хоронили, после этого Ярик больше ни на одну не взглянул… однолюб! Ну, ещё коньячка Семён Ильич?

- Пожалуй, что и хватит! Дела у меня… с бледным лицом полковник вышел на улицу.

- Моя карета в вашем распоряжении! воскликнул раскрасневшийся Иван Дмитриевич, выйдя из подъезда управления жандармерии.

- Петрова пристань! громко воскликнул ротмистр, сопровождающий Расколова, и остановил карету приказав ждать конюху.

- Ждите здесь! жёстко кинул Расколов выйдя возле невзрачного и стоящего особняком, дома семьи Евлантиевых. Полковник набалдашником трости постучал в ворота, но это оказалось напрасно, ибо из окон уже заметили подъезжающую карету Зелёного и спешили открыть.

- Могу я видеть Серафиму Карповну Евлантиеву?

- Проходите барин, Вас уже дожидаются! сказала единственная, но довольно расторопная служанка Евпраксия.

Расколов последовал за прислугой в залу, и одновремен-

но к ним вышла женщина лет 70, но довольно ухоженная, а глаза, глаза выражали скорбь.

- Вы с какими-то известиями о Ярославе?!не то спросила, не то утвердительным тоном произнесла она и скатившиеся по щеке слеза, выдала в ней тяжёлые переживания.

- Да, сударыня, я уполномочен Вам принести глубочайшие извинения… И Расколов окинув взглядом комнату замер. – Странно! прошептал он, разглядывая детские фотографии Ярослава.

- Сударь, что вы хотели сказать? взволнованно воскликнула мать Ярослава.

- Как вы сказали его фамилия? шокирующим взором, Расколов рассматривал фотографию десятилетнего Ярослава.

- Я не говорила никакие фамилии! как-то тревожно, и в то же время обречённо произнесла Серафима Карповна.

И вдруг Расколов, просто бросился в угол, где висел золотой крестик с зелёным изумрудом посередине. Это был тот самый крестик, его пропавшего в детстве, во время трагедии на реке Волге, брата Миши!

- Мишка, братик! и Расколов обливая крестик слезами, целуя его, прислонил в дрожащих ладонях крестик к глазам, ко лбу, к щекам, продолжая целовать и хрипеть со словами.

- Боже мой, да нет! Нет Господи, нет! Господи, да что же такое…за что…? Кричал, рыдая Расколов. Нет, только не это! Я что, убил своего брата? Нет.

- Нет!.. В залу ворвался вооружённый ротмистр и кучер с

винтовкой на перевес…

- КРЕСТИКИ –

…Папа, а почему у Миши зелёный камушек в крестике, а у меня красный?

- Так дети, не приставайте к отцу, он очень занят! Взяв за ручки обоих сыновей, Наталья Сергеевна Расколова, вывела из кабинета отца, графа Расколова Ильи Александровича, детей и который раз пыталась объяснить:

- Тебе Сенечка при крещении достался нательный крестик с красным камешком, рубином, в память о Господе нашем Иисусе Христе, ибо тело Спасителя было истерзано бичом, плетью палача, и раны кровоточили! И тебе, как старшему брату, красный рубиновый камушек!

- Всего на пол часика старше! воскликнул обиженный голосом Михаил.

- Да, Миша, он старше на 30 минут! А тебе сына, зелёный камушек, изумруд, ибо Христос Воскрес! А зелёный цвет весны, цвет возрождения, дети!

- Мама, значит я возрожусь? по любому?

- Да, Господь с тобой, Миша! и любящая мать обняла и крепко прижала детей к своей груди…

… Мы, Илья Семёнович, возвращались от родственников, гостили с мужем Яковом в Нижнем Новгороде и заночевали в лесу, в трех верстах от Волги. Уже под утро нас разбудил

громкий гомон проезжающего табора цыган. У них, якобы двое утонули во время ночной, незаконной рыбалки неводом.

Ребенок лет семи, в кибитке умирал и был без сознания, с серьёзными травмами…Они предложили купить его, за 10 рублей! Да, мы понимали, что ребёнок скорей всего не их, светлые, золотистые волосы…Подошедшая цыганка сказала:

- Вы просили Бога о ребёнке? Бог услышал ваши молитвы! и бросив этот крестик, ушла!

Мы действительно молили Бога о ребёнке, но не такой ценой! Мы кроме Библии ничего не читаем, и круг общения у нас скажу так, только верующие! Но всё же и до нас дошли слухи, что на Волге произошла трагедия, но на всё воля Господа!

- Но почему Вы столько лет ничего не предпринимали? Расколов в возмущении заходил по зале вперёд, назад.

- Ну, прежде всего Ярослав первые три года не разговаривал, и когда у него начинали спрашивать о его прошлой жизни, он впадал в ступор, или его начинало трясти! Он только просил, чтобы крестик его с зелёным камушком повесели в этом углу! Серафима Карповна во время всей беседы утирала слёзы, которые просто текли не останавливаясь.

- И я, господин полицейский, до сих пор не поняла вашей столь бурной реакции на крестик Ярослава, и на его фото! довольно холодно произнесла она и добавила. – Спустя лет семь, Ярослав начал вспоминать эпизоды, как он тонул, что

у него была семья, которая видимо погибла! А вы кричите брат?!

- Да, дополню, Ярик вспоминал, но очень смутно, как он запутался в сетях, как его крутило, вертело, и лицо старого цыгана с большой серьгой в ухе…

- Мы дали ему Любовь! Но причём здесь Вы, господин полицейский? Вы поймите меня, я в прошлом году потеряла мужа, в этом сына!

Расколов сняв с себя нательный крестик с красным рубином посередине, прошептав: - Он мой брат!

- Родители наши погибли, но я выжил! Вы и так заметили наше сходство! – Вы потеряли приёмного сына?! – А я потерял, «и убил» своего брата!!!

- Брата близнеца…

…Вот так, Господи, я начал губить душу, но я не предполагал, какой позор ждал меня впереди! вздохнул Серафим, укрывая спящего Илюшу…

Глава 5
«ПОП, ПОПАДЬЯ – ЮНОСТЬ, СТАНОВЛЕНИЕ!»

… Утреннее летнее солнце с небесной выси осветило бархатом золотистых лучей благословенную землю, даруя июльское тепло колышущему морю зелёных трав!

… И вдыхал всяк живущий фибрами души своей эти бла-

годатные запахи растений, наполненные нектарами чудесных соцветий.

Всё оживало в округе и словно сами святые небеса шептали дуновением тёплого ветра:

- Вдохни блаженство лепестков, втяни дыханием ноздрей своих драгоценные ароматы ромашек и васильков, колокольчиков и лилий полевых, и шепнёт сердце душе своей: - Как прекрасно Божественное творение Отца Небесного, от которого крикнет в высь дух – Чудо! А сердце устами разума своего воскликнет – За всё Слава и Хвала Господу! Во веки!

2^{я} половина 19го века! Село Озерки Вологодская Губерния.

… Андрюшка поднял биту ожидая «чижика»… А Гришка, сузив глаза, пробежался взглядом по окружности…

- Струсил что-ля? усмехнулся Андрейка.

Но Грегор всё продолжал высматривать расстояние до лунки, в которую он должен забросить «чижика» и ехидно воскликнул:

- От колена бей, ровней держи биту, чай не лопату с навозом держишь! И улучив момент, когда от его остроты Андрейка наберёт в грудь воздуха, чтобы ответить на его ехидство, Гришка, он же Грегор, резко бросил «чижика» в ямку возле ступней ног Андрейки.

«Чижик» завертевшись в воздухе уже почти коснулся дна

ямки, как Андрейка невероятным ловким движением, точно попал по самому кончику маленькой деревяшки-«чижика», и оный взмыв в верх крутясь и издавая трещоточный звук, подобный звук крыльев летящей крупной стрекозы, угодил точно в большую коровью лепёшку на лугу!

- Ну грека-поповский выкормыш, а полезай-ка в навоз! воскликнул улыбающийся Андрейка.

Стоящие чуть поодаль деревенские девчонки, громко захихикав, тыча пальцем в Гришку – грека, хором закричали – В навоз! В навоз!

- Что б тебе, Андрейка, сквозь землю провалиться, криворукое подмастерье! Тихо шепнул Гриша и опустив смущающуюся голову, засеменил за «чижиком»…

…Ах, детство, юность! А сколько игривых забав, и весёлых игр?! Простых и наивных мечтаний, когда первые обнимания и лёгкие поцелуи средь тёмной, но звёздной ночи, манили загадочными чувствами за околицу, где свежий и бодрящий воздух вызывал дрожь в голосе и коленках от этих первых прикосновений! Чередующиеся с тяжёлым крестьянским трудом. И несмотря на сложное утреннее пробуждение, тело вновь словно летало над землёй, а сияющий взгляд не пропустит и порхающую бабочку над распустившимся цветком, и семейку белых грибов, притаившихся среди высокой, сочной травы!

Да разве не видели глаза детства, то самое заветное яб-

лочко тёмной ноченькой, висевшее в соседнем саду, и трясущуюся руку пытающуюся ухватить кончиками пальцев заветный плод! Как же вкусно и сочно соседское яблочко, разломленное на двоих, смеющимися в ночи!..

А как несли нас юные ноженьки, да по лугу «бескрайнему», с улыбкой чистою, таща за собой на ниточке тоненькой, змея бумажного, неумелой рукой склеенного!

А как смотрели очи детские, да в воды мутные, сквозь толщу вод озерных, да за раком страшным, застывшем в иле, возле норы глубокой!

Да и бегали мы лесными тропками, перепрыгивая корни древ могучих, кружились смеясь на полянах солнечных…

Но увы! Время бежало быстрее нас и вот уже забыты игры детские, забавы юности, и стоят уже добры молодцы кушаком опоясанные, да в рубахах расшитых, рукой матери труженицы, да слышат теперь они не трель щеглов в кустах репейных, а слушают уши молодецкие, звук далёкой гармони, аль балалайки с гуслями струнными, и не здесь, а там, за далекой соседской околицей, где на выданье красуются девицы красные!

… Эй, Гришутка, видал Андрюшка-то дружок твой, ужо усы отпустил, тяперя навродя мужика какого! А у тебя чавота усы не растут? захихикала Лушка.

- Вырастут! зло фыркнул Грегор.

- А ты навозом помажь! залилась Лукерья смехом и раз-

вернувшись побежала в сторону своего дома, то и дело оборачиваясь, и оказывая свою стать и грацию, а толстая девичья коса, якобы случайно выпав из под платка, хлестала Лушку по стройной спине!

…- Зенки-то не прогляди, ты что, как дебелый Гриша, и рот закрой, вороны налетят! Прервала мысли сына, тихо подошедшая смуглянка, ещё красивая, с жемчужной улыбкой Вивея, но селяне звали её Василиса – гречанная.

- Да мне-то что?! густо покраснев ответил Грегор.

- Смотри у меня Гриня, не ровня она нам, одно слово – голытьба, ленивая, да часто пьющие! тяжело вздохнув, Василиса добавила:

- Хотя и хороша, чего сказать! и парни засматриваются!

… И вот как-то накануне Яблочного Спаса, пошли всей деревней в соседнее село Покровка, послушать тамошнего известного гармониста, и тихо миновав околицу подошли к самому крайнему, нежилому дому, где местная знаменитость Прохор Ливнёв, восемнадцати лет, сидя на завалинке лихо растягивал меха дорогой гармони, выводя знакомые напевы, да с такой удалью, что дух захватывало.

- Ой, ребята Анашкинские и Озерские пожаловали! громко воскликнул Демид-рыжий, что был заводилой у местных молодцов, и ростом Бог не обидел и «косая сажень в плечах»! – а с ними и Лушка-хохотушка! Луша, а пойдём с тобой кружок-другой отпляшем?!

И Демид бесцеремонно приобнял засмущавшуюся Луке-

рью за плечи и повел её по кругу!

- Не тронь её! и Грегор ухватил детину Демида за рукав. И тот, оттолкнув Лушу, набычившись и покраснев конопушками, которых очень стеснялся, натирая каждый день их чёрной редькой, громко зло воскликнул:

- А ето хто у нас тут такой писклявый? Поди-ж ты, а это Гришка – гречка поповская! и подняв лицо вверх, нагло захохотал.

Гришка посмотрел на явно струсившего друга Андрея, стоявшего с опустившей головой.

- Может и попович, зато не рыжий – как конь сивый! крикнул Грегор, сжимая кулаки.

- Ладно, греча, я сегодня добрый! А ну кось Луша, ступай сюды! и подойдя выхватил из толпы Озёрских, стоявших у изгороди, Лукерью, прятавшуюся за спиной Андрея.

- А ну-ка щенок в сторону! и бесцеремонно оттолкнув поникшего Андрея, Демид ухватил Лушку за косу. Лукерья, завизжав, попыталась спрятаться за Андрея, но тот покорно отошёл в сторону.

- Айда на круг Луша! захохотал рыжий.

- Иди, со своей козой танцуй, а Лушу лучше оставь! зло прошептал Грегор и плюнув на ладони бросился на Демида…

- А ну, сорванцы, стоять! – все застыли в ожидании и появившийся неоткуда отец гармониста, быстро и резко окатил дерущихся колодезной водой из ведра…

… Домой, до села и до самого порога, Грегор провожал Лукерью с гордо поднятой головой и чуть надутой грудью, и несмотря на подбитый глаз и раненую, и опухшую нижнюю губу, промокший, но зато со своей желанной!

И доведя её до самой двери, обхватил её за плечи, но Лушка строго прошептала:

- Гринь, не надо, ты какой-то озлобленный, яки зверь лесной, вон как на Демида бросился! и тихонько толкнула ладошками в грудь, и озорно засмеявшись юркнула за дверь.

Грегор постояв минуту и тряхнув головой растёр лицо ладонями и быстрым шагом пошёл домой.

Он так и не уснул в эту ночь, и до самого утра ворочался на кровати, а сердце так трепетно стучало, что он встал, и выйдя на крыльцо полоснулся весь дождевой водой из кадки, обтерся длинным ручником, и до рассвета грезил мечтами о Луше!..

… Высокие перистые облака чуть укрытые туманной сенью, вдруг вспыхнули первыми золотистыми лучами осеннего солнца! И переливаясь золочённым перламутром, начали подниматься всё выше и выше, словно стелясь самому Господу под ноги, нежнейшим, пречистым мехом, сбрасывая с себя уже ненужную туманную дымку. И золотой поток по велению Бога устремился на землю, на луга и поля, окрашивая вековые деревья и малые деревца золотом небес! И воздух

становится немножко тяжёл, но светел, и время останавливается, словно в осмыслении о прожитом!

Сказка лета уходит, но милость и любовь Господа, в утешение об ушедшем, одаривает всё живое обилием плодов, питая хлебом, сохраняя веру и надежду на воскресение, на новую весну!

О как сладки и питательны плоды осени Твоей Боже!

И душа с сердцем в трепете склоняется перед величием и глубокой мудрости Творца и восклицает в Святые небеса:

За всё, всё, Великая Слава и Хвала, нашему Господу и Спасителю Иисусу Христу!

… Годы незаметно текли своим чередом и вот уже перейдя на последний курс Вологодской Духовной семинарии, у Грегора появилась только сейчас возможность побывать дома, в родном селе Озерки.

- Ну и как там в городе, сынок? И отец ласково приобнял сына и с теплотой посмотрел на родную душу, ибо схоронив полгода назад свою красавицу жену, смугляночку – Вивею, иль Василису, как все прозвали её в селе за добрый нрав и сострадание, Андроник не находил себе места.

- Я, сына, часто вспоминаю свои поездки в Грецию, на Афон! Наверно я был почти счастлив вдали от мирской жизни! Я был послушником в этой святой обители…! И Андроник тяжело вздохнул. – А теперь я кто? Поп без прихода и без паствы! Как мальчишку гоняют по дальним деревушкам,

покрестить, отпеть, соборовать, и опять домой, ждать следующего вызова…! Прости Господи, моё уныние! и Андроник перекрестился, и как бы воспряв духом, произнёс:

- А у нас в Озерках скоро свадьба, сына!

- Да? А чья-же? чуть настороженно спросил Грегор.

- Лушка-хохотушка, помнишь её, ну такая статная девка, за дружка твово Андрюшку выходит! Но Грегор не дослушав отца устремился к дому Лукерьи. Ведь в душе он много раз представлял, как однажды приедет в село, уведёт её на дальние луга, обнимет, расцелует и скажет то, о чём молчал столько лет, что думает только о ней, расскажет, что только она…Лукерья!

… Как уговорил в последствии Андроник отца Лукерьи Ефима, отменить свадьбу с Андреем, и отдать Лушку за его Грегора, осталось тайной! Только на вторые сутки после «переговоров», пьяный в стельку Ефим, постучал в двери дома попа Андроника и держа за длинную косу раскрасневшуюся и испуганную Лукерью, буквально швырнул её к ногам Андроника, и хриплым, хмельным голосом воскликнул:

- Забирай! Я сказал бери эту дурёху!

… Сыграв наспех свадьбу молодые засобирались в Вологду, где будущий священник перешёл на последний курс духовной семинарии.

Грегор с молодой женой снял небольшой деревянный до-

мик, уютный с маленькой комнатушкой на втором этаже, да совсем недалеко от семинарии.

И вроде бы всё было неплохо, но Грегор замечал, что Луша, как бы сторонится его, боится того самого грозного взгляда, памятуя ту самую первую ночь новобрачных, когда после первой близости, Грегор встал со злым отрешённым видом, и произнёс с такой ненавистью, всего одно слово:

- Андрей?

- Гриша, миленький, прости ради Христа, так у нас с ним накануне Покрова Пресвятой Богородицы свадьба намечалась! Кто ж знал, что так всё устроится? И Лукерья зарыдала так, словно пыталась горькими слезами смыть свой «девичий грех»! Безусловно Грегора тяготило это обстоятельство, но кроме нечаянных взглядов из подлобья, других упрёков не высказывалось.

Поэтому и Лукерья помня греховные обстоятельства, вначале совместного проживания на вопросы мужа старалась отвечать короткой фразой – Да, дорогой супруг, или – нет, дорогой муж! При этом всегда опуская глаза.

И как-то спустя некоторое время, Грегор придя с курсов, с сочувствием посмотрел на супругу, вымывшей пол до зеркального блеска, и вытиравшей капающий пот со лба, с едва заметной улыбкой радости встречающая супруга.

- Лушенька, радость сердца моего! и Гриня обнял чуть вздрогнувшую жену, добавив: - Намаялась солнышко моё? – Сходила бы в город, на торговые ряды, купи что-нибудь

вкусненькое, развейся: а тож из дома и носа не кажешь, купи себе гостинчика!и чуть замешкаясь, Грегор притянул Лукерью и горячо в алые уста поцеловал.

И Лукерья сердцем почувствовала в этомтёплом поцелуе и прощение, и трепетное чувство мужа, но сдержав свой женский порыв, преданно, со слезой посмотрела в любящие глаза мужа, прошептав:

- Всё исполню, как любимый супруг желает! и так сильно щекой прижалась к его груди…

- Ну, будет, будет! А это Лушенька тебе на еду и сласти! и Грегор насыпал ей в ладонь серебряных монет…а сам поспешил в семинарию.

… Вологодское торжище встретило деревенскую девчонку не прекращаемым шумом, гамом и просто невообразимым обилием всевозможных товаров.

Она шла вдоль торговых рядов буквально с открытым ртом! Тут тебе тулупы, шубейки – лисьи, куньи, да разве перечислить всё, хомуты, валенки узорчатые, сапожки красные, расшитые да на каблучке, кофты, сарафаны, платки да шали оренбургские.

А сласти?! Кренделя да баранки вологодские, конфеты на развес да в коробочках расписанных от фабриканта-кондитера Абрикосова, да чай из далёкой Индии, в расписных да сказочных жестяных коробочках, леденцы, да петушки на палочках, разносолы да варенья, пироги, да ватрушки с рас-

стегаями, сбитни – да взвары фруктовые, меда хмельные, да настойки ягодные! И многое, многое…

Ах, этот «рай» для сластён, смутил разум Лукерьи, и она сорвав цветастый платок с головы, чуть растрепав при этом волосы, шагала по торговым рядам наслаждаясь какой-то ранее неведомой свободой, этим пьянящим чувством…

И Лукерья держа платок в руке зашла в очень понравившуюся лавку со сластями, где резные наличники на окнах, были так красиво увиты орнаментом из булочек, да кренделей окольцованных баранками да петушками.

Угостившись вволю сладкими рулетами, да с тульскими пряниками и выпив пяток чашек ароматнейшего чая, да прикупив полфунта с собой, Луша вдруг услышала, до боли знакомый голос, такой звучный да звонкий, что прохожий люд оборачивался!

- Налетай народ Вологодский, простой человек, купец, да флотский! Почему здесь в Вологде, именно флотский, Лукерья разбираться не стала, но тотчас поспешила на голосистые выкрики.

- Ба! В изумлении замерла она. – Так это же Наташка-деревяшка! И Лукерья ещё пристальней вгляделась в лицо торговки, бойко доставшей красноватыми пальцами соления из огромной деревянной бочки, улыбаясь чуть щербатой улыбкой и одаривая остановившихся прохожих, неугасимым фиолетовым синяком под правым глазом, подбитого крепкой умелой мужицкой рукой!

- Да кто ж тебя так? подойдя вплотную, произнесла Лукерья.

- Мужик мой, кто ж ещё! не глядя на покупателя, чуть смутившись ответила Наталья, и углубившись левой рукой по самое плечо в бочку, достав тройку крепких огурцов, здоровым глазом взглянув на говорящую покупательницу, вдруг резко взвизгнула:

- Лушка, Лушка-хохотушка, дочь вечно пьяного дядьки Ефима? Как я рада, Луша! прослезилась Наташка.

- Натаха-бляха! и земляки обнялись крепко, несмотря на разделяющую их бочку.

… - Ну что подруга, слыхала, я теперь ты Лушка Никонова, будущая попадья! И Натаха залилась смехом. – Луша наша, попадья!

- Луша, милая подруженька, а давай я сейчас заканчиваю, поедем ко мне? Варенья душистые, соленья, ты пальчики оближешь! Самогоночки по малой стопочке?! А, Луш? и вытерев руки об рушник, смахнув слезу горестно добавила:

- А я то вот, с дворником живу! сквозь слезу улыбнулась она. – Бывший моряк! Это он говорит, а я-то знамо головой мотаю! – Хотя тельняшку и бушлат купил у Елизара-кучера! За бутыль его же, кучера самогона! и обе расхохотались во весь голос…

… Загостившись у подруги и угощаясь по малюсенькой

стопочке, то самогона, то наливочки сладкой, не заметили, как их идиллию встречи прервал Дорофей, сожитель Натахи, грозно вошедший в этот полуподвал двухэтажного бревенчатого дома.

И вместо традиционного, здравствуйте, злорадно улыбаясь, воскликнул:

- Полундра, девчонки, брезентовые иконки, а ну, свистать всех наверх!

- Ну что ирод окаянный, уже нахлебался? заворчала Натаха и махнула стопарик самогонки.

Лукерья немного стушевавшись приходу «хозяина» дома, так же неожиданно для себя выпила стопарик самогона, и из горла приложилась к бутылке вкусной клубничной наливки!

- Ты мать особо не спеши, наливка-то сладенькая, да здорово шибает, а нам по ходу придётся эту «баржу» тянуть! и спустя мгновенье добавила:

- Или придётся топить, а пока идём по течению! и Натаха засучила рукава у вязаной кофты.

- А ну, салаги, суши якоря! взревел Дорофей, пытаясь свиснуть в воображаемый свисток боцмана, надувая щёки до состояния свёклы, полностью закрывших оба уха сухопутного мореплавателя! и он шатающейся походкой, мужественно преодолевавший девятибалльный шторм, подошёл к столу и уверенно ухватился за бутыль.

- Дорофей, мой морской волк, хорош! громко и чуть с угрозой воскликнула Натаха.

Но морской обитатель слово «хорошо» воспринял как очередной комплимент и, показав «салагам» мощь своего нутра, «боцман» запрокинув голову, в два глотка осушил бутыль до дна! и, ударив себя в грудь кулаком закричал:

- Учитыся салабоны! и рыгнув добавил – Гармонь сюды, быстро! и с размаху ударил пятерней по сутулой или, как «боцман» выразился, горбатой спине, и уже было хотел праздновать свою победу над «мелюзгой» и властно присел на лавку, как, быстро выпрямившаяся «горбатая» спина, в миг обернувшись грозовым циклоном и нависшей чёрной тучей, без предупреждения о штормовой опасности, закрутя тайфунным ураганом, начала наносить предательские затрещины, и неожиданные удары, в том числе и ногами по разным жизненно-важным отсекам, выведя тем самым из строя капитана с гирокомпасом, а правый «якорь» - рваным носком зацепился за бабушкин дубовый комод! И судно начало испытывать критические крены то, на левый, то на правый бок!

«Боцман», ну ни как не ожидал такого поворота событий, и то кого? От «салаг» и «мелюзги»! Ибо ранее видел свою фурию, т.е. юнгу, в двух экземплярах, и легко справлялся с обеими, но теперь! Их было «четверо»! и главное с разными лицами! Огонь, снег, дождь и пламя: и они, как герои «Шипки» старались взять «турка-боцмана» в полон! А боцман, получив коварный двойной пинок под объёмный зад, громким фальцетом, воскликнул:

- Вы мне днище не пробейте!!! Зверюги! И достав из заднего кармана брюк, объёмный серо-грязный платок с крошками нюхательного табака, замахал им крича припухшими губами о прекращении боевых действий и безоговорочной сдаче в плен на милость победителя!

… Подруги, обнимаясь, старались не слушать проклятия поверженного врага, вытиравшего своим платком продукт внутриносовых выделений!

И Лукерья выпив с подругой на посошок, подняла клок, довольно приличного размера выдранного из рыжего завихрастого чуба противника, и с какой-то непримиримой решительностью прошептала:

- Будешь собака рыжая знать, как беззащитных девиц забижать! И показав налитой злостью кулак, поспешила к выходу, завязывая платок.

- Луша, бери извозчика, я тебя не смогу проводить! слезно застонала Натаха, держась за косяк двери, и слегка шатаясь помахала подруге ладошкой.

Проезжающий мимо извозчик был схвачен за шкирку и вытянутая рука Лукерьи приблизила лицо с выпученными глазами, кучер дрожащими губами прошептал:

- Куда изволите госпожа-барыня?

«Госпожа» назвала адрес и вольготно расположилась на заднем кожаном сиденье открытого верха пролетки. Мимо замелькали деревянные ухоженные избы и двухэтажные дома купцов и ремесленников.

И почти каждый бревенчатый дом был украшен резным цветным наличником, словно каждый домик говорил – а посмотри на меня, на мои узоры, мой конёк наверху и красив, и молод, только не поёт!

Палисадники каждого дома говорили об ушедшем лете, но в глубине сада встречалась и знаменитая антоновка, плоды осени еле удерживали полусогнутые ветви яблонь.

Лукерья представила как её зубы впиваются в кисло-сладкую плоть яблока, и у неё сразу же закружилась голова, и этот «вкус» вызвал рефлекс, от которого она чуть привстав, опорожнила желудок – эта морская болезнь, подумалось ей.

Она не боялась никакой хвори, ибо Лукерья была здоровой деревенской бабой, взращённой на молоке и чистейшем и вкуснейшем Вологодском масле, дыша свежим до звона в ушах воздухе!

И взяв себя в руки, Лукерья «сошла» из «кареты», облокотясь на страстно протянутую руку «пажа-кучера», и дав извозчику гривенник, указала рукой на кнут.

- Чаго барыня? опешил кучер.

Но Лукерья молча достала серебряный полтинник, «паж» рухнув на колени, протянул ей кнут и пособие головного убора типа «котелок», доставшийся ему от его знаменитого деда, обворовавшего обоз отступающих войск Наполеона! – так он объяснил ей.

Но Лукерья проигнорировав исторически-засаленный ар-

тефакт, выхватила кнут, после чего «паж» поклонился, заверив госпожу в вечной верности её двору, после чего был бесцеремонно схвачен за чуб, и немного приподнят одной баронессой, со словами:

- Нет ничего тайного, в твоих очах, иди и покойся! Загадочно произнесла Дульсинея Вологодская и величественной походкой направилась к передвигающимся, то влево, то вправо, и вверх, воротам пляшущего в ночи, дома…

… Без четверти двенадцать ночи громкий шум в сенях дома будущего отца Грегора разбудил его, задремавшего в кожаном кресле, и перекрестившись он успел только встать, как дверь распахнулась и появилась она!

- Лушенька! только и успел произнести взволнованный длительным отсутствием муж.

Но Лукерья Серапионовна (она же и Ефимовна, ибо стеснялась отчества – отца пьяницы), бросив на мужа презрительный взгляд, молча проследовала к супружеской ложе, и рухнув всем своим телом на пуховое одеяло, подобно «чайке» бросившейся на скалистый берег, желающей покончить свой неравный бой с не проходящим штормом! Затем, та же «чайка», неожиданно задрала свой подол у платья, так сказать до поясницы, и блеснув неприличием, приподняв лицо от подушки, откинула в сторону «крыло», сжимая в «нём» кнут кучера, протянула его мужу!

- Лушенька! простонал Грегор, но взял из рук жены кнут,

с удивлением рассматривая «древнюю» рукоять, словно пытаясь найти ответ на вопрос: - скольких горячих скакунов хлестала его истрепанная кожа…

… На утро, проснувшаяся Лукерья, не находила себе место от стыда! И сказать, что первую неделю она была мягче шёлка, это ничего не сказать, ибо даже Грегор, видя глубочайшее раскаянье и покорность во всём, не выдержал и подозвав, дал ей целковый серебром, и потрепав за мочку уха нежно произнёс:

- Сходи в лавку, купи себе что-нибудь сладенького! и поцеловав в пухленькую щёчку добавил: - А то-ж похудела, и чтоб не думали, что муж строгий! И с лукавой улыбкой погрозив ей пальчиком, засобирался на учебу в семинарию…

… - Бил? тихо спросила Натаха, протягивая подруге солёный огурец, выловленный из бочки.

- Не-а! совсем тихо ответила Лушка, смачно хрустнув огурцом. – А твой-то флотский как? Весело спросила Лушка, доедая огурец, который неожиданно брызнул струёй рассола на конопатого молоденького приказчика из соседней скобяной лавки. И девки присели в хохоте от неожиданного конфуза. Вытерев раскрасневшему приказчику воротник пальто, Натаха чмокнув рыжего в щёку, продолжала:

- Всё, теперя носи не носи тельняшку, а его парусник мы с тобой потопили! И бока намяли! И днищем на камни налетел! и подруги схватившись за животы неприлично рассме-

ялись.

- Ты ещё долго? неожиданно спросила Лушка.

- Вот тебе раз подруга, где я, а где долго? ужо почти готова!..

… Нет? Вообще-то я тоже, ни-ни! Этот самогон лучше на продажу, чем внутрь! засмеялась Натаха.

- У меня до сих пор Наташка, внутри страх засел, как лютый зверь он, всего боюсь, и стыжусь! дрожащим голосом прохрипела Лукерья.

- А если наливки? взвизгнула подруга.

- Какой такой наливки? испуганно и шёпотом произнесла Лукерья.

- Есть ягодная, да на медах разных, а? и видя затрясшиеся руки Лукерьи, добавила:

- Луш, да не боись только, чтоб «зверя» этого прогнать!

- Ну если только по стопочке и только по одной!

- Согласна Лукерья Ефимовна!

- Серапионовна! зло прошипела Лушка.

- Прости подруга, Серапионовна! и подруги захохотали. И Натаха смеясь полезла за наливками, и встав на верхней полке под потолком, обернулась и стукнула каблуком, а рядом, стояла на той же полке деревянная бадья с «гулящей» брагой.

- Мой-то боцман не может нормальный стеллаж сделать, ну чтоб как у нормальных людей всё было! Но прогнившая

полка не выдержав вес Натахи, заскрипев с громким щелчком лопнула, и тотчас бадья сорвавшись с лопнувшей полки устремилась вниз под визжащий крик хозяйки:

- Не-е-е-т!

И бадья достигнув деревянного пола взорвалась, подобно пороховой бочке, обдав Лукерью с головы до ног липкой вонючей жижей!

- Мать моя заступница, Лушенька, прости подруженька! воскликнула с горьким сожалением Наталья.

- Как же я теперь дома покажусь? заплакала от растерянности Лукерья.

- Вот что подруга! заговорчески прошептала Натаха, достав припрятанную бутыль «первача»…

… Ты подруга вот чаго! и Наталья тряхнула хмельной головой – Ты же почти имеешь духовный сан! Ну как минимум попадья, а можа и выше!

Лушка в ответ кивнула не менее хмельной головой, и прожевав соленый огурец, спросила:

- И чаво? явно подражая подруге в произношении.

- А таво! А стало быть попадье не приличествует разгуливать здесь в наготе, то есть, в моём рваненьком, стареньком халате, в который ты обернёшься раза три! И Натаха громко рассмеялась, трясся своими объемными прелестями.

Но Лушка лишь тряхнув головой вопросительно посмотрела на подругу.

- Ты сердечная моя закусывай вот селёдочкой, а я мигом! Улыбнулась Натаха и подтащила к Лукерье за кованную ручку большой деревянный сундук с железными полосами по бокам и сверху.

- Когда я была ещё девкой, ну это, до «боцмана», я здесь в центре города служила горничной у одной иноземной монашки, да не простой, а у аббатисы!

Так вот, а случилось вроде на Троицу и Духов день, уж и не упомню, она взяла сердечная да померла! Ох, и переполох там был ужас, следователи, допросы. Ну апосля её во гробе увезли куда-то, а кто платить будет, за дом, за дрова, да и нам прислуге? Ну приехали дядьки, взялись и стали распродавать е вещи да имущество. Так вот Луша, так и достался этот балахон со всеми ея завитушками и поясками! Может я ещё чаго прихватила, уж и не упомню. – А, ну-кось, будущая попадья, примерь-ка! И Наталья гордо развернула шитый серебряной нитью красного шёлка балахон, по всем понятиям католической аббатисы, ну и никак не меньше!

- Как царский! с абсолютным чувством восторга воскликнула Лукерья, разглядывая алый блистающий шёлк, узорчатые серебряные нити, идущие по кайме капюшона, и узорчатые белые вставки шёлка на груди. – Я никогда не видела таких красивых вещей! с дрожью в голосе произнесла Лушка.

- Натах, а ты знаешь что мово-то уже распределили, в Анашкино служить будет, ничего «озерки» наши совсем рядом, а ведь бывало, что наши парни с Анашинскими, били

Покровских, да ещё с Мегры робят!

- Не подруга, мы били нижне-мондомских! и когда Наталья поправляла облачение будущей Велико-Анашкинской аббатисы, на пороге, в состоянии близком к окаменению, словно увидев саму Горгону с её змеиными волосами, стоял «боцман», воротившийся с очередной гулянки и взглянув в гордо поднятый профиль аббатисы, «боцман» крестясь попятился задом, и загремев пустым ведром упал на зад.

Лукерья любуясь собою в зеркале уже видела себя рядом с Самим Папой! В самом Ватикане, но поймав себя на мысли, что слово Ватикан она слышала, но не имеет представления, что это такое, решила промолчать.

Наталья налив ещё по стопочке, уважительно прошептала – Селёдушкой, селёдушкой закусывайте, Ваша светлость! Суя ей в Руси жирный хвост, добавив:

- Хорошая, астраханского засола!

- Пожалуй пора и честь знать! добавила Лукерья, взглянув из подлобья на застывшую в изумление Натаху, держащую в руке кусок жирной селедки.

Ии проходя мимо стоявшего в сенях «боцмана» с непокрытой головой, она кивнула ему, и моряк подобострастно склонился в поясном поклоне.

Испуганный кучер, видя, как из бревенчатого дома выходит поистине «царственная» особа, натянул поводья чуть не порвав кобыле «Нюрке» губы, а стоявший невдалеке околоточный, зайдя в свою полосатую будку, вытирая обильный

пот, решил затаится, ибо потерял дар речи от незнания кто это, и как себя вести!

- Трогай, мужик! рявкнула «аббатиса», ткнув кучера кулаком в бок…

… - Конечно, конечно братия, на то меня и благословил мой духовный наставник, растолковывать вам, с чем приходится сталкиваться семинаристам на первом курсе духовной семинарии, спрашивайте, не стесняйтесь!

Я, на правах выпускника, буду оказывать вам наставничество, помолимся и спаси вас Христос!

И так, трое молоденьких юнцов, кротко и даже со страхом оглядываясь на обилие икон в небольшой, но светлой зале дома будущего священнослужителя отца Грегора, тихонько, сопя носиками, поджав ноги под кривые, то есть, фигурные ножки стульев, ожидали молитвенных славословий от почти батюшки, который вдруг извинившись отлучился…

Но вдруг! Двери с грохотом распахнулись и на пороге появилась Лукерья, которая чуть сдвинув брови с чувством царственного гнева, начала осматривать залу, и когда её взгляд воспалённый «первачом», вдруг увидел юнцов смотревших на неё с трепетом и почтением, они неожиданно хором воскликнули:

- Матушка, благослови! и рванувшись со стульев рухнули перед ней на колени.

… Грегор, чуть задержавшись по неотложному «делу»,

так сказать, в деревянной кабинке, что возле каждого дома, через небольшое окошечко, что имело форму сердечка, заметил отъезжающего от ворот дома извозчика, и чуть напрягся…

… - Матушка, благослови! вещали юнцы умилённые величием блистающего шёлка и гордой осанкой «матушки». Они подобострастно пытались ухватить её руку, тянув к ней свои губы, но «святейшая особа» подумав о чём-то, и видя такое раболепие «верноподданных» с лёгкостью начала им совать в губы свои «селёдочные» пальцы, и рыгнув перегаром, произнесла:

« - Икаруд АТУТ ЕСУ ДА![*]» прохрипела уставшим голосом «блаженная Августина» и начала с улыбкой ворошить по очереди вихрастые чубы у ново присягнувших адептов её ордена, по крайней мере, она так считала!

К счастью юнцы ещё не знали ни латыни, ни священных таинств ордена блаженной «Августины», но с трепетом продолжали лобызать аббатисе руки, ну жутко отдававшие астраханским засолом.

Но бес тщеславия овладевший сознанием возгордившейся «царской» особы, продолжал нашептывать в помутившийся разум сельской бабы:

- Я, освящённая суть ипостаси, блуждал в тенетах вашего разума, буду глаголить вам о сути жизни, о людях, и о нелюдях, о философии и мистериях древности! «Боже, что

я несу! хотелось крикнуть Лукерье, но бесовская волна тщеславия накатывала вновь и вновь».

*- анаграмма

- Я, Лукерья Белозерская, без образования и воспитания, внушаемая тишиной неизбежности, но спасающая своим делом, поведу вас тоннелями в которых не будет выхода, а лишь призрачная бесконечность поворотов и изгибов, в которых таится бездна и спасение, и мерцающая бескрайность мысли и воображения…

Вот так и застал их Грегор, войдя в залу, где во всех лампадах угасли огоньки. И он сузив глаза пристально посмотрел на Лукерью «отпускавшую» грехи «холопам» и Грегор поймав на себе взгляды юнцов, молча помахал им рукой – «мол идите быстро на выход»! И с той же самой невозмутимостью обратился у аббатисе:

- Давно ли на вас сан рукоположили, матушка? Давно ли благовествуете от беса? А?

Лукерья спьяну не сообразила о чём говорит ей муж, подумала, что речь идёт о балахоне и ляпнула:

- Да уж, часа как три! и икнув, уставилась на мужа, поправляя сползающий на плечо капюшон.

- Так что же, сам Папа Римский рукополагал, он, что же в Вологду пожаловал? загадочно произнёс муж.

- Да не знаю о чём ты глаголешь, муж? тихо ответила Лукерья, до конца не понимая сути сказанных слов.

- А откуда такие славословил о тоннелях и «латынь», ты взялась за книги, почитываешь?

- А чаво их читать? Книги пишутся из книг! удивилась и сама аббатиса такой мудрости, и добавила:

- А мысли рождаются из мыслей! и сама заулыбалась.

- Понятно, блаженная ты моя Августина! Придётся мне самому начать обряд экзорцизма, исходя из вашего присвоенного сана! И Грегор бесцеремонно поднял указательный палец кверху, а заодно и блистающий шёлком подол «мантии» Лукерьи Белозерской.

Великий инквизитор решил проводить обряд толстым ямщицким ремнём, по большей части беспокоя филейные части, то бишь, мягкие места тела «святейшей» особы, в которых, по разумению будущего священно-служителя, и затаился лукавый…

… Две недели «Августина» не находила себе места в доме, даже не приседая стирала, мыла, протирала мебель, иконы, потолок с таким трепетом, что казалось сами святые угодники с закопчённых временем икон, начали улыбаться ей.

Грегор строже и совершенно молча, смотрел на такое усердное «покаяние» жены, ибо его весьма беспокоил один им услышанный момент:

- Откуда его Лукерья знает латынь? прошептал он, и подумал, что и он имеет большие трудности и в понимании и тем более в произношении.

- Лушенька, солнышко для сердца моего, сходи сегодня к молочнице! тихо произнёс он…

… Эх люди добрые, безусловно молоко дело хорошее, но известно-же всякой живой душе, что… Самое лучшее молоко не у молочницы, а на базаре по причине того, что на базаре десятки таких и лучше молочниц!..

… Ну подруга, рассказывай! Натаха с особым любопытством взглянула с горящими глазами на запыхавшуюся Лукерью.

- Натах, я точно на минутку! Ты сама-то как?

- Молитвослов можешь мне побыстрей добыть?

- Так купи сама-то! удивилась Лукерья.

- Да нет! Нужен старый-старенький, потрепанный! Мне очень надо-ть, потом всё обскажу! выдохнула Натаха.

- Ну я у мово батюшки попрошу! опустила взгляд Лушка.

- Уже не Гришка, а батюшка! Быстро он тебя согнул…

- не Натах, я сама…в покаянии, епитимью на себя наложила! Весело, с огоньком, заявила Лушка, подмигнув глазом. – Попытаюсь подруга! И поцеловав в щёку поспешила домой, сжимая большую крынку молока и горшочек со сметаной.

… Под прохладный, осенний вечер, когда северный ветер завывая в дымоходе русской печи, не мог прорваться сквозь уютно потрескивающие дрова, он закружился ледяной ка-

руселью срывая с деревьев последние, пожухлые листочки, крича своим свистом всему живому – идёт моя сестра, зимушка-зима!..

… Удобно прислонившись спиной к тёплой печи, Грегор наслаждался сметаной ковыряясь в ней серебряной ложечкой, услужливо поданной рукой любящей жены. Муж ласково с душой посмотрел на Лукерью, взяв её за руку.

- Гришенька! Вдруг с мольбой в голосе, неожиданно произнесла Лукерья. – Не мог бы ты, мой батюшка, достать мне, дуре окаянной, молитвослов, да не простой, а намоленный! Чтобы когда я его брала в руки, чувствовала особое духовное чувство?!

Но Грегор только-только хотел спросить о её латыни, но осёкся, глядя в просветлённые глаза жены и кивнув обречённо головой, кратко прошептал:

- Да, душенька!

… Время шло своим чередом и искушение иногда быть с подругой взяло верх, и Лукерья сговорилась тайно видеться в условленном месте с Натахой, то бишь, на базаре!

«Заговорщицы» при встрече обнимались и живо сворачивали торговлю спеша домой к Натахе, весело обсуждая дальнейшие действия во главе которых не малую роль должен играть и старенький, потрёпанный молитвослов.

- Лушка, да не бойся ты так! Всё уже готово! шептала подруга, ловя извозчика…

… Будущий священнослужитель отец Грегор, такое имя он ходатайствовал, чтобы ему оставили при рукоположении его в сан, сидел в опустевшей аудитории семинарии, дополнительно штудируя труды великих подвижников Православия, когда в дверь стремительно зашёл дьяк канцелярии, Нифонт, и на ухо твёрдо произнёс:

- Брат Грегор, тебя настоятель семинарии просит незамедлительно прибыть в его кабинет. Он удивился, но поспешно закрыв книгу поспешил за дьяком.

- Христос Воскресе! громко воскликнул Грегор, входя в кабинет и закрывая за собой дверь.

Настоятель немного удивлённо вскинув брови, такому редкому в эти дни приветствию, но тепло ответил:

- Во истину Воскресе! и сразу перейдя на серьёзный тон – Послушайте внимательно меня дорогой брат Грегор, и ради Христа, развейте мои тревожные мысли.

Грегор стоял как вкопанный, вообще не понимал, что происходит…Но настоятель продолжил:

- Я, часа три назад был с визитом у настоятеля Вознесенского Храма, иерея Селивестра! – Словом, возле храма я заметил двух странных «чернявок», одетые чинно во всё чёрное, собирающих пожертвование – рядом с нищими, и калеками, да, да! Но насторожило меня одно обстоятельство!

- Ну а я тут причём, отец настоятель? опешил Грегор. Настоятель помявшись, как бы подыскивая слова громко вос-

кликнул.

- Одна из инокинь-монашек, уж больно смахивает на лицо вашей супруги!

- Этого просто не может быть! воскликнул побледневший Грегор.

- Вот и потрудитесь любезный, немедленно развеять мои…возмущающие моё сердце, обстоятельства! И несмотря на память о вашем отце и Ваше достойное обучение в семинарии, вопрос о Вашем рукоположении в сан…будет иметь безутешные для вас последствия! Ступай с Богом и не натвори бед! Воскликнул во след убегающему Грише…

… - Эх Лукерьюшка, ничаво мы с тобой в жизни не видели! воскликнула Наталья, облачённая в чёрный балахон «чернявки». – То, сожитель Ирод проклятый житья не даёт, то стирка, то полы мой, то огурцы енти, чёрт-бы их побрал, аж руки просолились! А наша-то жизнь уходит! восклицала Натаха, заходя за ограду храма, после обеденного перерыва с причастием дорогого вина из трактира.

- Да, подруга, всё так! поправляя низ балахона и головной убор, поддакивала чуть захмелевшая Лушка.

- Ну, что у нас за мужики? Хоть-бы били-били, ну чтоб и в чайную водили! засмеялась Натаха.

- Да, моя милая, матушка-Ната!

- Теперь мы с тобой Лушенька сами будем устраивать себе праздники!..

… Блаженно-прекрасно смотрелись плачущие монашки «чернявки» возле дверей и ограды Вознесенского храма, собирающие обильную милостыню на восстановление их «святой обители» в непроходимых Вологодских лесах.

Одна из «чернявок» постоянно кланялась подающим в ящик висевший на груди, и сразу же записывала карандашом оных, в особую тетрадь для особых молений, а вторая чернявка, с трагически умилённым лицом читала особо-священный молитвослов, осенняя им особо-добрых жертвователей, давая им для поцелуев обветшало-кожаную обложку рукописного издания!..

Духовно-театральную идиллию нарушил «бес» в лице будущего отца Грегора, появившегося в тот самый момент «священный» для «чернявок», когда медяки и серебро звенящие под завязку ящика, стуком своим «кричали» монашкам, что им хватит не только на чай с кренделями, но и на «Смирновскую», да и с икоркой, и балычком!

И вдруг ОН, подобно огнедышащему змею накинувшемуся на «почти безвинную» жертву, зашипел на самое ушко одной из «черняшек»!

- Ну-с, исчадие ада, это художество вам очень дорого обойдётся! И сильно ухватив изворотливо монашку-оборотня за ухо, читая молитву об изгнании лукавого из грешной плоти Евы-Лукерьи, приподнимая и чуть крутя ушко. Григорий повёл её через всю улицу к ожидавшему его извозчику, который видя страдания «монашки», прослезился, осе-

няя себя и её крестным знамением, и наотрез отказался везти их в своей «карете» на обряд изгнании бесов из столь милой и добродушной инокини.

Лукерья предчувствуя теперь уже всеми фибрами своей души. А не только филейными местами, что воздаяния за грех будет не простым…то она…

Сопроводив таким образом падшую грешницу в родные пенаты, Грегор вырвал молитвослов из её цепких рук и аккуратно положил его на кровать, перед лицом уже склонённой грешницы, которой без промедления задрал подол, и посмотрел на висевший в прихожей кнут-избавитель, который был вооружён после первой экзекции экзоцирзма, во избежание так сказать, возникновения греховных помыслов, но. Из-за малой эффективности решено было использовать святые вербные прутики, увядшие с прошлогоднего вербного воскресения, а ныне замоченные в соляном растворе заботливой рукой праведного мужа, который отыскал и секретный глиняный горшок, в котором искушаемая, с её слов, самим луковым, прятала тушки небольших жареных тушек куриц, которыми в тайне от любящего мужа, разговлялась в особо длительные посты, и преимущественно по ночам!

Дорогой и любящий супруг, вспоминая «честные» и «умиленные» глаза супруги, вспомнив многочисленные прегрешения и явную ложь, обманы, попросив у Бога благословения, принялся освященно-вербным инструментом вкладывать различные знания «ДОМОСТРОЯ», по церков-

но-славянскому обычаю, но почему-то в те же болезненные места, где и ранее укрывался лукавый, у которого видимо оставалось место, типа: «кладовка», в которую не добрался кожаный кнут ямщика! Но эта, освящённо-вербная лоза вызывала совершенно новые ощущения и чувства просветления, от лёгкого похрюкивания и до высочайших нот оперной примы, молившей своего мужа тирана, в Шекспировской трагедии, не мучить её, а обнять и всё простить, и она клянётся быть послушной супругу-мавру!

- Всё ли Вам понятно святейшая инокиня-чернявка? кричал распалившийся от учения мавр, перелистывай молитвослов! и громче, как и денюжки просила, громче пой! – Эть! – Эть! изредка восклицал уже уставший муж.

- Так, так батюшка! Не стесняйся брат! Муж! Отец во Христе! Гони, гони бесов! вскричала Лукерья так громко, что замахнувшаяся рука замерла на самом подлёте к пылающей румянцем последней «кладовой», сдавшегося на милость лукавого…

… Новое нравоучение отца Грегора с глубоким проникновением с толщи, ранее недоступные простым увещеваниям, дали потрясающий результат!

Очи супруги, которые ранее могли смотреть с нескрываемым вызовом, теперь не поднимались выше уровня колен горячо любимого супруга, которого должны рукоположить в священный сон, и направить служить в «большое» село

Анашкино, к которому прикрепили для окормления и служения ещё несколько деревень.

- Молись дражайшая супруга если рукоположат в иереи, то в Анашкино на два-три года, и в Вологду! А нет, то прозябать буду попом! В том и твоя вина… «черняка»!

- Батюшка, дорогой, позволь проститься с подругой? А то не по-христиански как-то? Позволь родной! и Лукерья бросилась ему в колени, целуя руки.

- Ну будя, будя! тяжело вздохнул супруг от такой нежности и послушания, и смахнув слезу, умилённо добавил – Хорошо! При этом дал гривенник на извозчика…

… - Уже два часа ночи! воскликнул от отчаянья и возмущения. Грегор, глядя на часы искренне всем сердцем переживая за супругу. – Господи, ну зачем я поддался уговору и отпустил эту дурёху непутёвую! и не находя себе покоя начал выдёргивать из бороды волосы, и упав на колени пред образом иконы Спасителя «Ярое око», воскликнул:

- Спас Милостивый, дай знак мне грешному, жива – ли моя суженная! И вдруг, словно само небо услышав искренний плач суженного, возгласила ударом!

- Бу-у-м! – Бу-у-м! и дом начал сотрясаться с сокрушительный силой! – Бу-у-м, Бу-у-м! Грегор от страха присел держась за качающийся комод, - Свят, свят, свят! Неустанно повторял он, осеняя всё вокруг крестными знамениями, ища взглядом окно, через которое нужно покинуть рушив-

шиеся здание. А стены деревянного дома сотряс очередной удар, и с потолка посыпалась свежая побелка, и окрестность разорвал рык неведомого зверя.

Грегор в страхе рванул по шаткой лестнице в маленькую светёлку на втором этаже, с крохотного балкончика увидел поваленные ворота с забором, и огромную голову гигантского быка! Бившего рогатой головой в угол бревенчатого дома!

Это был бык гигант среди гигантов, по крайней мере, так Грегору со страху показалось, ибо в носу его торчало огромное кольцо, более похожее на ручку от двух пудовой гири, а остальная часть железной гири, по-видимому, впитали огромные рога, более похожие на коромысло с каждой стороны.

Голова диковинного зверя более походила на двухсот литровую дубовую бочку, на которой покоилась левая створка ворот с закрытым пудовым замком на ней, и бык тряхнув головой закинув тем самым створку в яблоневый сад соседа, через два дома, и бык проследовал бесцеремонной походкой к дровяному сараю, и тут Грегор увидел ехавшую на второй створке ворот, уцепившуюся двумя руками за хвост зверя «боярыню Морозову», ибо Лукерья громогласно на всю ночную округу, убеждала супруга обновленца «прилюдно» покаяться, и возвернуться к старообрядческому канону и осенять себя двумя перстами! В точности, как на картине Сурикова с известным персонажем, с той лишь разницей, что

сани Лукерье заменяла створка от ворот! – Что это за чудовище? спросил Грегор у подошедшей к лестнице Лукерье.

- Это «Пушок»! вдруг необычайно ласково ответила новоявленная староверка, смотря на быка…

Вот так и обрёл новый член семьи «Пушок» место в дровяном сарае, чему был несказанно рад и вёл себя достойно своему прозвищу «Пушок»!

Глава 6

«ДОРОГОЮ СУДЬБЫ – В АНАШКИНО!»

…И всё-таки, Грегора рукоположили в сан. В попы!

- Слава Богу, что вообще батогами не погнали, да моя «чернявка»? А ведь было за что! и батюшка с хитрой улыбкой рассмотрел на новоявленную попадью, матушку Лукерью Серапионовну по мужу Никонову.

Да мой батюшка! Ты свет души моей! заулыбалась она.

В назначенный день на утро, собрав с вечера нехитрый скарб рукоположенный батюшка отец Грегор с матушкой Лукерьей, сидя в большой грузовой телеге запряжённой Владимирским тяжеловозом, а с заду притороченным и весьма послушным бычком «Пушком», тронулись к месту духовного послушания и службы, в весьма знакомое село Анашкино.

Проезжая соседние дома с уже цветущими палисадами, Лукерья со вздохом сожаления произнесла:

- Гриш, а я всё-таки полюбила Вологду! И люди хорошие,

отзывчивые!..

- Особенно твоя Натаха! заулыбался Грегор, и встретился взглядом с полицейским. – Околоточным, радостно отирающим обильный пот белым платочком и помахавшим им рукой.

- А скажи-ка жёнушка, но только не утаивай правды, за что тебе твоя подруженька эту зверюгу подарила?

- Ну он же хороший, добрый, послушный! завопила Лукерья.

- Согласен покладист, ну уж очень большой! Но я о другом тебя спрашивал! Говори, только правду!

- У Натахи оставались деньги, ну это… с нашей работы… кхы, кхы, от попрошайничества… Ну не выкидывать их, Гринь?

- Дале глаголь! Равнодушно ответил супруг.

- Натаха дом поправила, баньку новую, шубейку… а на остатки мне в деревню бычка купила! Ну вот откормила, что он и в их сарай не помещался! А я, когда в тихую бегала к ней, кормила, лелеяла Пушка! Дорог он мне, он же сирота… как и я… ну, в смысле до тебя! и Лукерья принялась целовать руки мужа держащего вожжи.

- Да прекрати, хватит! взмолился Грегор, а сзади послышалось мелодичное звучание Пушка, более похожее на заводской гудок!

- Ладно, согласен! Будем вместе обустраиваться! захохотал батюшка, уворачивая свои бородатые щёки от яростных

поцелуев жены…

- И чего я согласился? прошептал Грегор и обернувшись посмотрел на эту скотину. – А может продать этого «ирода»? Так-так-так, оглядев эту огромно шагающую тушу – шкуру отрубить, да продать Архангельской голытьбе на их лодки – каяки! и ещё раз окинув взглядом Пушка и прикинув размеры худощавых поморов, ловивших лупоглазую треску, громко воскликнул:

- Каяка на три натянем,ха! усмехнулся батюшка.

- Гриня, чавой-то ты там натянуть хочешь, аж по три раза? чуть разомлевшись от езды, спросила Луша.

- Да уж сиди мать, да сдобы лопай! улыбался Грегор. Так, а дивный хвост этого рогатого проныры, я повешу в сарае, в память Лукерье о греховной подружке!

… Так подпрыгивая на Вологодских ухабах размышлял Грегор, а Лукерья окуная очередную пампушку в густейшую сметану думала, что надо бы Пушка перевязать, да верёвку посвободней, по длинней сделать!

А пока Пушок с тоскливым взглядом брёл по редко вымощенным улочкам Вологды, в сторону Белозерского тракта, с надеждой тыкаясь пушистым лбом в раздобревшие за последний месяц, бока Лукерьи, надеясь добиться хоть…или не столь угощения, сколько внимания. Но хозяйка держа кадочку со сметаной между ног, с пампушек, перешла на ещё тёплые чесночные пышки, отталкивая от себя надоедливый огромный, мокрый, фыркающий нос!

- Ну вот шлагбаум, конец Вологде…щас побыстрей пойдём! воскликнул батюшка.

Ослабив повод Пушка, чтобы наконец отстала эта назойливая, бесовская морда, Лукерья всё чаще и чаще стала поглядывать в сторону румяного, поджаренного пирога с судачком, торчащего соблазнительным боком в лукошке, дабы заморить не менее назойливого «червячка», жившего теперь и во чреве, теперь уже официальной попадьи!

И этот «червь» вовсе не паразит, с которым борются клизмами и касторкой, а тот самый «червяк», несомненный потомок Эдемского змия, постоянно мешавший Лукерье поститься. Причём, этот червь, мог смотреть глазами человека и шевелиться, когда увидит яблоки и прочие плоды, но когда появляется выпечка с румяной корочкой, да со сметаной, и чарующее сердце, душистый аромат копченого сала, то «червячок» сходит с ума, метаясь по всему нутру! И по этой причине, в купе с остальными Лукерья даже в постные дни, утаивала в секретном месте, особо зажаренные куски порося с хреном, чтобы в «холодную» ночь, не дыша похрустеть нежной, бордовой корочкой, то есть утолить жажду, и безусловно не свою, «червячка»! Но батюшка, когда Луша возвращалась в супружеское ложе, даже во сне, начинал принюхиваться, и цвыркать носом, ибо эта «зараза» весьма часто суёт свой православный нос, и в её «католические» дела!

Пока Лукерья предавалась воспоминаниям и размышлениям, Пушок здорово отстал на длинной привязи…

… А, на ближайшем лугу…

… И до чего же ловок был Фролка, пасший молоденьких коровок, пегих, чёрных, разных. Он с любовью плёл венки из дивных трав чистейших лугов, густо вплетая в них колокольчики с васильками и ягодками клевера, а затем, доведя своё творение до совершенства, отточенным движением набрасывал его на рога очередной Зорьки, Ласки иль Марты! Делая её благодарные глаза с некой женственной поволокой! И та, видя такое внимание от своего «стража», давала столько молока своей хозяйке после выпаса, что та была готова доплачивать особо-бурёночному Лелю.

И сказать, что на лугу всегда была идиллия, пусть и не божественного, но земного луга, это ничего не сказать, ибо когда Лель опьянённый спокойствием и приносимым ему в полдень вкусным обедом, заботливой рукой хозяйки очередной бурёнки, очень радовался, от души! И в благодарность коровкам Лель, доставал свою дивную свирель, вырезанную из лозы приозёрной ракиты, и несколько раз взмахнув языком возле импровизированного «мундштука» дудки, выдыхал лишний воздух, вливаясь волшебными нотками славы, в «скрипичные» мелодии кузнечиков и цикад! А они, несли дивные звуки до самых облаков, заставляя кружиться на лугу, чарующих мотыльков, в причудливых танцах..!

… Пушок – с самого детства лишённый такого великолепия и ничего не видевший в своей телячьей жизни, кроме

гвоздика в стене стойла, и края телеги, с толстой «кормой» хозяйки, был возмущён…

… - Ого! вдруг послышался удивлённый возглас батюшки, ибо трудяга тяжеловоз конь Першерон, коим он управлял последних верст пятьдесят, вдруг встал, будто упёрся лбом в невидимую стену, оттого все пожитки, включая Лукерью, подвинулись по площади телеги резко вперёд.

- Чей-то? опешила Лукерья, едва сумев ухватить ускользающий пирог, и обернулась назад.

Пушок, закатив глаза и навострив уши, словно охотничий пёс, встал как вкопанный, и встряхнув головой, устремил свой взор на чарующий луг. Он напряг свою могучую грудь, выпустив при этом насыщенный страстью густой возглас сердечного баритона, стараясь добавить грудного колорита в дивность чудесных звуков луга!

От всего этого, чуть глуховатый коняга «Першерон», присел на все четыре копыта, скосив глуповатый взгляд назад, словно заяц пойманный за хвост!

Но Пушок осмотрев всех присутствующих и видя полное непонимание среди, казалось бы, близких ему людей, включая не вполне адекватного Першерона, резко и как-то нервно мотнул головой так, что привязь его, некогда перетягивающая морду, сползла на мощнейшую шею, с не менее страстным сердцем, но льющиеся чарующие звуки свирели, и непревзойденное «амбре» «танцующих» бурёнок, продолжали туманить горячую кровь, и Пушок напряг все свои мо-

гучие мышцы, дыша «ледяным» паром с брызгами ожидания неизбежности, делая отчаянные шаги, то есть, перебирая копытами, ненароком увлекая за собой нехилого конягу Першерона, который повинуясь инстинктам своего далёкого предка – горячего горного Аргамака, встал на здание копыта, чтобы рвануть вперёд, изо всех сил и показать этим недотёпам, на что может быть способен Владимирский тяжеловоз!

Но, этот отчаянный манёвр стоит коняге поражения! Увы! Ибо Пушок тотчас воспользовался глупостью оппонента и рванул, что есть силы!

Першерон, он же «Аргамак», на мгновение завис в воздухе в столь нелепой позе, пятясь назад, перебирая двумя задними копытами, а Пушок потихонечку, вдыхая ароматы луга, небольшими шажками решил подойти к чарующему лужку, не замечая и таща за собой скрипучую телегу, и Першерона, нехотя гарцующего задним ходом.

Пастушок повернув голову на раздирающий скрип телеги, гарцующего задом коня, и натянутую тетиву в глазах подкрадующего быка-великана – замер!

Пушок, вдохнув очередную порцию «аромата « испугавшихся тишины коров, сорвался подобно камню выпущенного из пращи умелой руки воина, и помчался волоча, со скоростью курьерского поезда, телегу и Першерона, к ожидавшему его стаду!

А наш Лель-пастух, увидя как стартует литерный поезд с безумными «фарами» глаз, при крике – мама, проглотил са-

модельный мундштук от волшебной дудки, вздохнув его до глубины души…и теперь выпучив глаза, подобно пойманному на кукан судаку, тревожно задышал, выдувал со свистом знакомые нотки тревоги…

А бык в яростной погоне за своим простым телячьем счастьем, запетлял меж деревьев, обломав нечаянно сразу две оглобли! Видя виртуозное сражение за свободу выбора Пушка, уже не глупый Першерон, незаметно сполз в кювет, притворившись мёртвым, виновато поджав сильно стёртый от заднего хода, некогда пышный хвост.

Время шло и наш неугомонный «кавалер» из последних сил запетлял меж вековых дубов и тридцатипятиметровых сосен, сшибая зелёные малюсенькие жёлуди и смоляные, зелёные сосновые шишечки, в надежде освободиться от гремящих остатков телеги, и отлетавших с хрустом кривых колёс.

И вдруг, неожиданно для всех, Пушок встав на задние копыта, вострубил жалобным басом в сами небеса, и сколько было в этом голосе палитры отголосков отчаяния, от несбывшихся надежд, от никчемной суеты…знает только его бык-отец, прародитель рогатых скотов…И по благородно-истерзанному телу Пушка, прошла волна дрожи, и взревев во всю мощь стопудовой туши, он повалился на цветущий луг, и скупая бычья слеза скатилась с небритой телячьей щеки…

Видя разыгравшуюся трагедию, в миг одичавший пастушок – Лель, трубя тревогу уже мчался в даль, что было сил со стадом бурёнок…

… Через два дня ближе к вечеру, в дом вновь поселившийся попадьи Лукерьи, постучалась Анисья, жена поселкового старосты из Кадуя, и зло глядя на Лукерью, потребовала уплаты:

Первое: - Пяти рублей семи копеек, за поимку разбежавшихся коров по всему уезду! Мы ж все с факелами и охотничьими собаками искали!

Второе: - Один рубль три копейки за операцию по извлечению «мундштука» флейты из искривлённого от страха чрева Леля, то есть, её двоюродного племянника, от забулдыги сводной сестры!

Уже к ночи на четвертые сутки новоселья в селе, Лукерья с батюшкой навестили в сарае лежащего третьи сутки Пушка, на все уговоры поесть свежескошенной травы, Пушок отвечал глубоким выдохом, на ласки отвечал фырканьем!

Пойдём матушка, мужику надобно побыть одному! прошептал Грегор, выпроваживал из сарая Лукерью держащую ярко горящую керосиновую лампу…

- О, Лука Спиридонович, а ты что здесь сидишь? Воскликнул удивлённый Грегор.

- Ты батюшка обожди, разъясни мне таку вещь! Вот намедни в селе Пузаново один пресвитер, будь он неладен!

- Ты что ж Лука так на священнослужителя! – возмутился поп.

- А то Гриня! Он всё село заставлял пасти свиней и убирать за ними… навоз, купцов, кузнецов, доярок! Так сказать добровольно – принудительно всех в свинопасы, значит батюшка.

- А если кто не соглашался? спросил Грегор. – Семьи-то кормить, одевать надобно, а одним навозом не заработаешь!

- Кто не согласен, того пресвитер отлучал от церкви! потом ссорились жены с мужьями, разлучались дети с родителями!

- Лука Спиридонович, ты какие-то небылицы говоришь, не может так духовное лицо поступать, ну не может!

- Вот тебе крест! было и есть такое, в Пузанове, все должны быть свиноуборщиками! – вскричал Лука.

– А сам пресвитер убирался в свинарнике? Может пас свиней? – дивился Грегор.

- Свиней он не пас, только ел их! – А можа и продавал! А пас он только дурёх…- Во как бывает.

Половина села разъехалась, а один сын купца не смог пережить расставания отца с матерью, в лес ушёл! Вскоре всем миром с факелами искали! Вот и ответь мне батюшка, где правда Христова?

- Лука Спиридонович, Библия говорит, что по плодам всё познаётся! – А здесь…плод пресвитера…жена без мужа, де-

ти без родителей! – «Кто о своих домашних не печётся, тот хуже неверного»!

- Вот так батюшка, пол села живут с пресвитером!
- А остальные Спиридоныч?
- А остальные с Богом! По другим сёлам!
- А сын купца?

… Пробираясь сквозь хвойную чащобу, сын купца на карачках пробирался, обдирая об засохшие иглы елей руки и плечи, словно незримый зов гнал его сердце, и он отдаляясь от селений погружался в непроглядный сумрак засыхающего леса, но будто сами ели, сама природа противилась этому порыву…Даже ветки маленьких берёз своими тонюсенькими прутиками цепляясь за вязанный свитер, будто кричали трепетом чуть пожухлой листвы – ОСТАНОВИСЬ!!! А ворох поблекших многоцветием павших трав, пытался опутать босые ступни ног! Он замер и присев распутал травяной капкан, но ступив два шага…

Черничные петли я ягодами и с земляничными плодами лопаясь под его ступнями, заставляли поскальзываться цепляясь за ближайшие ветки…но он не останавливаясь просто пёр в самую чащу, в самую глубь…

И лишь хлёсткий удар упругой еловой лапы заставил его вздрогнуть, остановиться и посмотреть вперёд, ибо он услы-

шал голос, который словно обволок его сердце тёплым бархатом всеобъемлющей любви, любви, которая укутала его душу, его сознание, и оглядываясь, ища источник такого родного, такого близкого голоса, он застыл.

… - Куда идёшь? – говорил голос трепетом вдруг зазеленевшей листвы.

- Куда идёшь брат? – звучал голос журчаньем серебристых ручейков.

- Куда идёт брат Мой? Не блуждай мыслями в прошлом, не омрачай настоящее…

… Виктор не спеша приоткрыл глаза, он остро чувствовал присутствие самого Бога, который будто закрыл его сердце Собою даруя чувство осознания, что он так нужен всем близким, и то он так любим!!!

- Слава Тебе Великий Господь! – шептали его губы.

- Слава ему! – шептали рядом стоящие (на коленях) дети…

- Мы любим тебя папа, ты самый лучший…и все они гурьбой полезли на сильные плечи и грудь любимого человека…

… Му-у-э-у! – вдруг раздалось громоподобное мычание в сарае.

- Лука Спиридоныч, пойдём дорогой, «Пушку» надо побыть одному, мы своими разговорами…мешаем…!

- Боже мой! – возмущался дед Лука, закрывая потихоньку скрипучую калитку. – Дожили, быку мешаем, батюшки! – Скоро в избе будем шептаться, тише, тише, курочка яичко рожает, у неё схватки! Тфу…ты…

- Страх и стыд
бичуется правдой!-
/исповедник/

Глава 7
«СПЛЕТЕНИЕ КОЛОКОЛОВ»

… Тёмный мрак октябрьской ночи прорезали лучи далёких изумрудных звёзд, но и их блеск пыталось затянуть осеннее небо над затихшем во мгле селом Анашкино. И мелкие капли дождя с проплывающих чёрных туч лили слёзы по ушедшим солнечным дням и вновь опять появлялись звёздочки, даря чувства всему живому, что всё вернётся вновь! А сейчас, осенние сонные звуки, то капели, то завывающего ветра с изморозью, заглушали вскрики редких ночных птиц, и писки с шорохами под опавшей листвой малых обитателей некогда цветущих лугов и окраин нехоженых лесов. И всё это осеннее великолепие сливалось с редкими, и отчего-то грустными капельками дождя бившими по сонным крышам домов.

- Господи, да кто же это такое? – воскликнул негромко батюшка, хватаясь и растирая ладонью онемевшую грудь, которая сжималась болью среди ночи, мешая вздохнуть. И тут же послышался неприятный, словно отторгнутый жизнью некий гул, и туманная дымка окутала в ночи окно.

Встав Грегор широко раскрыл глаза от внезапного чувства опасности и некоего липкого чувства страха, давящего на его сердце, ибо даже сильно загудевший ветер за окном не сдувая туманности, норовил прорваться сквозь плотно закрываемые батюшкой ставни, и Грегор перекрестившись снова сел на кровать посмотрев на спокойно спавшую жену.

- Да что же со мной, господи! – вновь прошептал он, посмотрев в другое окно выходившее в сторону церкви, окутанной так же ночным сумраком и там, в сероватом отблеске белоснежной стены храма стояла странная одинокая фигура человека, протягивающая руки в балахоне к самой вершине колокольни.

Он более походил на огромного чёрного ворона протягивающего «крылья» к небесам, словно призывая их в свои объятья.

Грегор почувствовал как сквозняк острыми иглами втыкаясь в тело вытягивал из него тепло с частичками жизни одевая, словно в невидимый саван онемения, но священник вздрогнув осенил себя крестным знамением, посмотрев на лежащую супругу, которая раскину руки лежала подобно тряпичной кукле, не имеющая духа жизни! – и прижав руку

к своему сердцу Грегор громко прошептал:

- Я слабый человек, но с Богом непобедим! – и живой поток сил начал наполнять сердце. Грегор осторожно встал с кровати и на цыпочках подойдя к окну прильнул к чуть мокрому стеклу, всё так же изредка слыша тот самый странный безжизненный гул, который пытался сокрушить какую-то твердыню, или разрушить границу и восстать из небытия?

Грегор щурясь и протирая запотевшее от дыхания стекло, пытался рассмотреть необычного вида человека, но тот, стоя к нему спиной, вдруг резко обернулся и с явной ненавистью посмотрел ему в глаза, а затем медленно, преодолевая скованность от непонятной ярости, что кто-то посмел помешать его действу, ткнул пальцем в окно, от чего стекло треснув, расползлось трещинами, подобно рисунку снежинки! И Грегор толчком в грудь был просто откинут от стекла, и задрожав от ужаса охватившего его тело, капая холодным потом, осторожно ступая лёг на кровать укрывшись с головой одеялом, подобно дитю испуганному тайной, укрытой страхом ночи…И он трёс и трёс лежащую супругу, которая духом была далеко от супружеского ложа…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.